

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА
Звезда бессмертия

Роман

Часть II

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

Звезда бессмертия : роман : часть II / Анна Чернышева ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 88 с. : ил.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки

– химера Нотр-Дам на старинной открытке

На четвертой странице обложки

– химера Нотр-Дам над современным городом (фото)

Глава пятнадцатая СТУДЕНЧЕСКАЯ

Физика. Неужели несколько дней назад мне это нравилось?! Сижу, мучаюсь дилеммой. Так хочется вспоминать вчерашний день, мечтать, а надо записывать длинные формулы, комментарии, рисовать чертежи. Вокруг даже поглазеть не на что. Аудитория отличается отвратительной простотой дизайна: голые белые стены, чёрная доска, окна без штор. Не уцелели даже портреты великих физиков, от Ньютона и Эйнштейна остались одни пустые гвоздики. Только скрипучие парты, пережившие не одно поколение студентов, пестрят тупыми надписями и пошлыми рисунками. Тоска! Сижу с Леной, она переспрашивает каждую букву, уточняет, Светы где-то не видно. Сижу, учусь: формулы, формулы, формулы... Но это ещё ничего, а вот следующей парой – семинар по истории отечества.

– Это совсем не страшно! – утешает Ленка. – Выучить историю не сложнее, чем формулы в математике!

– Формулы! Да я в этой исторической математике даже цифр не знаю! Даже не говори мне, как называется тема семинара!

– Это же так просто – «Смутное время», – издевается Ленка.

– Что-то у меня слишком смутное представление об этом смутном времени. Когда хоть это было?

– Сразу после смерти Ивана IV.

– Вот утешила! По мне – что Иван IX, что Вася XII.

– Таких царей в нашей истории не было! – строго замечает Лена.

– Хоть таких не было! – радуюсь я и продолжаю старательно списывать формулы.

– Последние шесть строк к понедельнику желательно знать наизусть, – важно сообщает преподавательница.

В ответ по аудитории прокатывается горестный стон. Эту даму со всеми её требованиями у нас терпеть не могут. Старая, длинная, вечно наряженная во что-нибудь зелёное, она словно воплощение всех студенческих неприятностей. Самая главная преподавательница физики удручающе принципиальна. Даже удивительно, как я умудрилась сохранить с ней лояльные отношения вплоть до сегодняшнего дня. Но сегодня всё против меня и моей любви! Ну какие могут быть формулы после такого свидания?! Я хочу, я требую свободы!

Не тут-то было! Мой надёжный план отсидеться на семинаре в тихом углу и остаться незамеченной рушится, как только я пересекаю порог аудитории.

– Элиза Николаевская! – восклицает преподаватель, сразу заметив меня.

Терпеть не могу свою фамилию! Выскочу замуж, только для того чтобы её сменить.

– Неужели вы почтили нас своим присутствием?! – глумится историк.

– Вот вы и будете выступать первой.

– Выступать?!

– Вы же готовились к семинару?

– Да, да, конечно, но отвечать я пока... что-то горло болит, говорить тяжело.

– Диагноз ясен – воспаление хитрости, – констатирует преподаватель, – придётся лечить.

«У-у, жук усатый! Ну, чего прицепился?! Знает же, что история для меня сущее мученье». Надо признать, что на противное насекомое историк похож довольно мало. Полный, рыхлый, сдобный как тесто. Вполне приятный был бы человек, если бы не его любимая история.

– После смерти Ивана какого? Кто ещё там был? – лихорадочно стараюсь вытрясти из Ленки хоть какую-то информацию.

– Иван Грозный, Шуйский, Лжедмитрий, Марина Мнишек, польский король, – снисходительно улыбается она.

Я отчаянно стараюсь вспомнить хоть что-нибудь. К семинару я, конечно, не готовилась, не до этого было, но проходили же мы что-то в школе! С неумолимой ясностью понимаю, что в школе я проходила мимо «смутного времени».

– Ну-с, Николаевская, мы вас внимательно слушаем, – ехидно обращается ко мне историк, как только начинается пара.

В голове моей абсолютная пустота, как в надувном шарике.

– Сделай лицо попроще, – советует Лена.

Я напрасно стараюсь прогнать с лица вселенскую скорбь. Не знаю я ничего!

– После смерти Ивана Грозного... – начинаю я, мечтая только о том, чтобы меня прервали.

– Продолжайте, продолжайте, – историк садится за свой стол и даже подпирает рукой голову. Пытка будет долгой!

– У царя не осталось наследника, – подсказывает мне Лена страшным шепотом.

– А куда ж они делись? – с издёвкой осведомляется у неё историк.

Лена замолкает, и я остаюсь один на один со «смутным временем». Я молчу, готовая провалиться сквозь землю, но к счастью, кажется, начинаю что-то припоминать.

– Своего сына-наследника Иван Грозный убил сам из-за внезапной вспышки гнева...

– Ну, это один сын, а остальные?

«Боже мой! Их ещё было много!»

– Федор был дурак, – снова пытается мне помочь Лена.

Преподаватель делает вид, что этого не заметил, прищурившись, наблюдает, как я выкручусь.

– Федор был слаб умом и вообще рос болезненным ребенком. Всё своё время он проводил в молитвах или в постели, – уверенно вру я и к своей великой радости обнаруживаю, что случайно оказываюсь права.

Удача придает мне смелости, и я продолжаю пересказывать случайно увиденную мною передачу:

– Младший сын Ивана Грозного – Дмитрий, по-моему, был увезен в Углич и там убит боярами. Больше всего в этом подозревали Бориса Годунова...

– И к чему это привело?

– После смерти царя, в период безвластия, в стране стали появляться Лжедмитрии.

Историк смотрит на меня с удивлением и интересом. Явно не ожидал, что я смогу вспомнить хоть что-нибудь по теме. Но ему всё мало:

– Может быть, вы расскажете нам о первом и самом знаменитом Лжедмитрии? Кстати, как звучало его настоящее имя?

– Гришка Тряпкин, – выпаливаю я.

Все мои однокурсники дружно гогочут. Историк смеётся до слёз.

– Ничего себе псевдоним у Григория Отрепьева!

Я пытаюсь оправдаться:

– Ну, я же говорила, что там какие-то тряпки и лохмотья!

Так я утрачиваю опротивевшую мне фамилию – Николаевская – и до окончания института становлюсь Тряпкиной. В первую же неделю шутка облетит факультет, а через месяц весь институт будет в курсе. Теперь меня узнают и пятикурсники, и преподаватели. Дорого мне обходится «смутное время».

А пока по расписанию физкультура. Ещё одно испытание. Преподавательница – садистка, и не скрывает этого. На первом же занятии, помнится, она заявила, что мы ещё с ней наплачемся. Учебный год только начинается, а уже была пара случаев.

Мы передеваемся радостные, как перед казнью. Нам предстоит целую пару провести на улице, и плевать нашей Ядвиге Яновне на осень и холод. Мы строимся на заросшей дорожке парка (жаль не того, где мы гуляли с Сашей! У института свой парк, большой и заброшенный). Жалкое мы, наверняка, представляем из себя зрелище. Взрослые девицы в малых спортивных костюмах, переминаются с ноги на ногу, на лицах тонны косметики и взбешённо-обречённое выражение. С первого взгляда видно, что собрались давние и убеждённые спорто-ненавистницы. Отсюда и тоска на лицах, и форма не по размеру.

Свежей и воодушевлённой в этом сонном царстве оказывается только Ядвига. И дали же ей родители имечко, даже прозвище придумывать не надо. Ядвига – она и есть Ядвига.

– Ну, красавицы, чего приуныли? – радостно осведомляется она.

– Холодно, – стонем мы.

– Кто это здесь замёрз? Двигаться нужно, двигаться! Тогда и тепло будет, и весело.

Легко сказать – двигаться! То, что для неё просто движение, для нас непосильный труд.

- На сегодня у вас бег, прыжки в длину и отжимание.
- Отжимание, здесь?! – дружно воем мы.
- Прекратить разговорчики! Смирно! – строит нас Ядвига.
- Садистка, точно садистка! – тихонько бубню я.
- Да хоть бы она ногу сломала! – зло бурчит Лена.
- Уверена, она и с гипсом будет ходить на работу.

Как бы нам хотелось наговорить преподавательнице грубостей, развернуться и уйти. Но болтают, что плохие отношения с ней означают очень плохое отношение с деканом. Приходится терпеть и подчиняться. Мы рысцой бежим к маленькой лысой полянке. Где долго и вымученно прыгаем и отжимаемся от противной, намокшей за ночь лавочки. Ядвига только покрикивает или, того лучше, пользуется свистком. Обычно на этой полянке выгуливают и дрессируют собак. Мы тоже чувствуем себя дрессированными животными.

– А теперь – побежали! – командует Ядвига, когда мы уже достаточно выдыхаемся.

И мы бежим. Бежим, как в анекдоте про армию: «отсюда и до заката». В институте это называется – «кросс на оценку». Мы бежим, бежим друг за другом... Мимо скользят голые берёзки, кусты, покрытые красными листьями, под ногами – грязь, лужи. Я сильно отстаю от остальных. Бег для меня очень тяжёлое испытание. Мне уже давно жарко, лицо покраснелось, дыхания не хватает. Я расстёгиваю кофту. Хорошенький у меня сейчас вид: лицо красное, глазки лезут из орбит, дышу словно конь. За поворотом дорожки девчонки шумят, впереди какое-то препятствие. Однако никто не останавливается, мы продолжаем друг за другом двигаться вперёд. Я тащусь в самом хвосте. Отстать от меня умудряется только моя Лена.

– Что за чёрт! – вырывается у меня.

Как здесь не ругаться?! Прямо передо мной поперёк тропинки распластался ствол дерева. И не то чтобы он был слишком толстый, но упал уж больно неудачно. Обходить его далеко и неудобно, придётся лезть в грязь, единственный выход: перепрыгнуть препятствие. Я отступаю на пару шагов, разбегаюсь и как коза совершаю скачок через бревно. В самой верхней точке своего прыжка боковым зрением я замечаю быструю внезапную фотовспышку. Ситуация напоминает охоту папарацци на звёзд. Смачно приземляюсь в лужу, поворачиваюсь, чтобы лучше рассмотреть фотографа.

Широко самодовольно улыбаясь, на меня смотрит молодой парень. Русые волосы собраны в короткий хвостик, на щеках лёгкая небритость. Эдакий мачо среднерусской полосы. Щурит масляные серые глазки, заявляет ехидно:

– Снимок будет готов только завтра, если хочешь себя лицезреть, приходи, покажу.

– Хам! – выпаливаю я.

– Ну, зачем же так грубо? – тянет фотограф, словно мартовский кот.

– Как заслужил.

– Может, лучше познакомимся?
– Вот ещё! Хотя... отдай пленку, будет о чём поговорить.
– Может, и отдам, зависит от того, как будешь уговаривать.
– Тебе не понравится! – заверяю я, готовая припомнить приёмы, опробованные мною возле банка.

Но драчливое вдохновение меня подводит. Просто стукнула бы его по башке чем-нибудь тяжёлым, да под рукой нет ничего подходящего. Нахал, уловив моё замешательство, стоит, усмехается.

– Ну же, начинай уговаривать! А то упустишь свой счастливый момент.

Он злит меня всё больше и больше, но, взяв себя в руки, я решаю сменить тактику. Сладко улыбаюсь, облизываю пересохшие губы, кошачьей походкой направляюсь к нему. Грубиян такого не ожидал, смотрит на меня растерянно. Я продолжаю разыгрывать много раз виденную в кино и вовсе мне не свойственную роль секс-бомбы. Я подхожу к нахалу, глажу его по голове, спрашиваю приторно-сладким голоском:

– Так как тебя зовут, прелесть моя?

– Игорь, – выдыхает он восторженно.

– Так прозаично, – мурлычу я. – Я буду называть тебя мой принц!

– Замечательно, – он так и тает от самодовольства.

Сделав вид, что хочу его обнять, я ловко снимаю с его шеи шнурок фотоаппарата, ровно секунда требуется мне, чтобы извлечь из него злополучную пленку и сунуть себе в карман. В этот момент над бревном взлетает в дурацкой позе Ленка. Я понимаю фотографа, зрелище действительно уморительное, но прощать его не собираюсь.

– Лиза, кто это? – вопит Лена, заметив нас.

– Мистер прыщ! – зло представляю я своего нового знакомца и возвращаю ему пустой фотоаппарат.

Моя подружка, еле живая от усталости, медленно ковыляет к нам. Подойдя поближе, сразу пристает с расспросами:

– И что это вы здесь делаете?

– Лично я стараюсь свернуть на корню деятельность не в меру ретивого фотографа, – откликаюсь я.

– Фотографа?! – удивляется Лена и обращается к Игорю. – Что ты здесь снимал?

– Я хотел запечатлеть, – охотно принимается объяснять неудачливый фотограф, – урок физкультуры у второкурсниц.

– Зачем это? – строго допрашивает едва отдышавшаяся спортсменка.

– Вы такие уморительные...

– И что?!

– В общем, я поспорил с пацанами на приличные деньги, что рассмешу весь институт.

– А мы здесь при чём? – в моём голосе звучит угроза.

– Вы – главный пункт моего замысла, – самодовольно признаётся Игорь. – Я собирался наделать ваших фотографий во всяких нелепых

позах, наклеить их на ватман со всякими двусмысленными комментариями и повесить на первом этаже в институте, возле расписания. У нас в основном учатся пацаны. Вот было бы смеху!

– Ты собирався выставить нас на посмешище?! – гремит Лена.

А я очень довольна собой, радуюсь, что уже успела отобрать у заетейника пленку.

– Смейся теперь над кем-нибудь другим, – злорадно бросаю я вместо прощальных слов.

Мы с Леной продолжаем свой путь шагом, уже не надеясь сдать злополучный зачет. Однако, завершив бесконечный круг и добравшись, наконец, до лысой полянки, где начинался зачет, нам вовсе не хочется начинать всё сначала. И на категоричное заявление Ядвиги Яновны:

– Девочки, это только два!

мы отвечаем бурей возмущения:

– Двойку ставят за отсутствие работы, а мы же бегали! О-о, как мы бегали! Вы должны... это нарушение наших прав... Тройку! Поставьте хотя бы тройку!

Строгой преподавательнице приходится уступить. Ей явно не хочется продолжать этот бессмысленный спор. Заполучив вождеденный зачет, мы гораздо резвее, чем прежде, несёмся в институт.

Последней парой сегодня ин.яз. К моей великой грусти, Лена изучает немецкий, а я английский. Мы расходимся в разные аудитории, и одновременно начинаем скучать. К четвёртой паре, особенно после физкультуры, все интеллектуальные размышления перекрывает довольно тупая, но неотступная мысль о бутерброде с колбасой. И столовая не так уж далеко, и запахи оттуда доносятся заманчивые. Но я решаю сэкономить деньги на обедах. Решила, так решила. Сижу, терплю, стараюсь не думать о съедобных вещах. А тут ещё, как на зло, поболтать не с кем. Все счастливицы атакуют столовку. Я с горя принимаюсь искать десять отличий одной аудитории от другой. У англичанки гораздо уютней: помещение поменьше, большая карта Великобритании на стене, с портретов угрюмо смотрят Вильям Шекспир и Даниель Дефо. Окна до половины прикрыты зелёными шторами. Вот и вся разница. Нет, как я могла забыть, ещё надписи на столах нацарапаны по-английски.

Как только едоки возвращаются, сразу завязывается интересный разговор:

– Вы только представьте, – восклицает Славка, самый пухлый и жизнерадостный мой одноклассник. – Бывает же такое везенье! Мой дядька свалился со строительных лесов, воткнулся башкой в землю, чуть не помер. А после того, как в реанимации его вернули к жизни, обнаружил, что знает сразу несколько иностранных языков. Вот мне бы такое!

– Так пойдй прыгни с небоскрёба башкой вниз, – предлагает долговязый Андрей. – Может, поможет.

– Нет, ты не понимаешь! В один момент сразу и английский, и французский, и немецкий, и ещё какой-то тарабарский. Он их даже никогда не учил. Пережил клиническую смерть и...

– Я уж лучше по старинке! – смеётся Андрей, – так безопаснее.

– А вот интересно, – вступает в разговор рассудительный Костя, – откуда он взял эти знания?

– Из информационного поля земли, – с комичной серьёзностью заявляет Слава.

– А может, из прошлой жизни.

– Тогда бы он помнил английский таким, на каком писал Шекспир.

– А мне нравится Шекспир в подлиннике, – как-то виновато замечает Костя.

– Неужели ты хоть что-нибудь понимаешь?

– А что там непонятного?

O, how much more doth beauty beauteous seem
By that sweet ornament which truth doth give!
The rose looks fair, but fairer it we deem
For that sweet odour which doth in it live...¹

– Всё непонятно! И вообще, ты же английский знаешь на троечку.

– Это современный, – оправдывается Костя, – он мне просто не нравится.

– Всё ясно, – подытоживает Андрей, – в прошлой жизни ты был средневековым англичанином. Ну, кто ещё чего вспомнил?

Я молчу. Хоть и пытаюсь вспомнить хоть словечко на языке из моих снов, ничего не получается. Почему от моих фантазий никакой практической пользы? Хорошо хотя бы, что благодаря Свете, я знаю своё имя, хотя бы одно из трёх. А то из своего сна, я ничего не смогла запомнить. Вообще, поговорить бы сейчас со Светой, обсудить бы всё. Не могут же на самом деле ей сниться мои сны. Но откуда тогда она всё это взяла?! И куда она сегодня делась? У неё талант пропадать всякий раз, когда она нужна.

Этим мыслям я предаюсь всю английскую пару. На удивление, меня никто не пытается отвлечь от моих размышлений.

Глава шестнадцатая ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

...Когда мы подошли к воротам, последняя наша надежда – остаться незамеченными – мгновенно улетучились. Стоявший рядом с ними

¹ Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно...

(Шекспир У. Сонет № 54. В переводе Маршака)

сержант в давно нечищенной кирасе и смешном шлеме так и впился глазами в заметную фигуру Ганса.

– Эй, здоровяк, – окликнул он как только мы с ним поравнялись, – про таких, как ты, нас специально инструктировали. Один такой Голиаф вчера сбежал от отцов-инквизиторов чуть не самого костра. Нам велено ловить.

– Так ловите, – весело разрешил Ганс.

– Уж не тебя ли надо ловить? – сощурился страж. – Все приметы сходятся.

– Не, совсем не похож, я видел его вчера, – не растерялся мой спутник. – Как раз, когда он сиганул с телеги, я среди зевак совсем рядом стоял. Он меня на целую голову выше, и в плечах пошире будет, и лицо такое злое, ну, чистый зверь.

Ганс даже перекрестился для убедительности. Он так искусно изображал сбежавшего чудовищного злодея, что даже я готова была поверить, что он его видел. Поверил и сержант. На меня он даже не взглянул, только спросил у Ганса:

– Куда коня-то ведёшь? Конь, видно, не твой. Холёный, хозяйский.

– Хозяину и веду, он собрался в дальний путь, хочет, чтобы животина отдохнула на свободе перед долгой дорогой.

– Ладно, проходи, – милостиво разрешил сержант, но долго сверлил нам спины недоверчивым взглядом.

Мы шли по дороге, не имея ни малейшего представления о том, куда нам направиться. Одно мы знали точно, что должны уйти как можно дальше от приготовленных для нас костров, терпеливо ожидающих своего часа. Мы быстро и решительно шли куда глаза глядят. Дорога, попетляв между уже опустевших полей, нырнула в небольшую рощицу, прозрачную на осеннем ветру. Низко нависшее небо мрачно хмурилось грязно-серыми тучами. Погода навевала невесёлые мысли и страх перед будущим. Мы оба молчали, погрузившись в свои размышления. Ганс заговорил первым:

– Что приуныл, кузнечик?

– У меня есть имя, – насупилась я.

– Имя у тебя слишком длинное, я уже и забыл его.

– Не обманывай.

– Нет, кое-что я, конечно, помню. Но все твои имена не подходят.

– А какое подходит? – наивно спросила я.

Ганс задумался, почесал в затылке, окинул меня придиричивым взглядом и усмехнулся:

– Заморыш!

Я надулась. «Станный этот Ганс. Вот для чего он меня спасал, если всё время только обижает?! Нельзя же быть таким грубым!»

Словно подслушав мои горькие сетования, неунывающий громила принялся меня утешать:

– Не переживай! Подумаешь, слишком худая, у тебя всё впереди. Тебя, наверное, неправильно кормили. Осядем где-нибудь, будешь лопать сметанку да маслице, сразу станешь похожа на человека.

– Где оно, твое маслице? Я сейчас есть хочу! – всхлинула я, готовая расплакаться прямо посреди дороги.

Ганс смутился, пробурчал что-то непонятное, похоже на ругательство. Потом, постаравшись придать голосу весёлые, беззаботные интонации, громко заявил:

– Я тоже голодный, как зверь, но здесь нам, кроме друг друга, лопать нечего. Тебе повезло больше. А вот я твоими мощами точно не наемся.

– Спасибо, утешил.

– Я же от всей души! Хочешь, можешь начать прямо сейчас.

– Не хочу! – буркнула я, спрятав улыбку.

А сама грешным делом представила, какое отменное жаркое получилось бы из моего спутника. Какое-то время мы молча топали по дороге. Меня всё сильнее мучили усталость, голод и жажда.

– Когда же нам встретится хоть какая-нибудь деревенька, где можно будет напиться воды и поесть? – горестно взмолилась я.

– Скорее всего, совсем рядом на берегу реки непременно должно быть поселение, но нам это мало поможет, – буркнул Ганс.

– Почему же?

– Добрые люди вряд ли станут долго кормить нас за красивые глаза. Хотя глазки у тебя и ничего, – повернулся ко мне мой спаситель.

– Причём здесь мои глаза?! – возмутилась я. – Мы можем отдать им твоего коня.

– А ты щедрая, однако, – рассмеялся громила. – Только крестьянам верховой конь не нужен. Им бы рабочую лошадку, а этот для пахоты не годится. Остается искать того, кто охотно сумеет продать его на ярмарке.

Я не поняла хитрого замысла Ганса, но поверила, что это нам поможет. И с надеждой стала вглядываться вдаль, ожидая, когда покажутся первые домишки.

Я так обрадовалась, заметив на холме крохотную деревеньку, что даже подпрыгнула.

– Вон, вон! Скоро мы поедем....

– И напьемся, – резко добавил мой спутник.

Расстояние до долгожданного приюта мы преодолели почти бегом. Мое сердце билось радостно, словно на празднике. Деревня оказалась гораздо меньше и беднее моей родной. Дорога упиралась в крохотную кирху, для того чтобы пересчитать дома, хватило бы пальцев одной руки. Аккуратные малюсенькие крестьянские жилища, Ганс будто и не заметил. Сразу направился к единственному дому под черепичной крышей, выглядевшему более-менее зажиточным.

– Надеюсь, здесь у хозяев найдутся лишние деньги, чтобы купить у нас коня, – негромко рассуждал он.

У меня не было своего мнения на этот счет, я просто шла следом за моим спасителем. В ворота он постучал очень громко и уверенно. Но какого-нибудь отклика пришлось ждать долго.

– Может, всё-таки нам лучше пойти к другому дому, – потянула Ганса за рукав я.

– Подожди!

Калитка неохотно приоткрылась, в образовавшуюся узкую щель протиснулась испуганное и недовольное лицо пожилого крестьянина. Его жутко избороздили морщины, и даже не верилось в то, что когда-то оно было молодым.

– Что вам? Кто такие? – сердито проскрипел он.

– Мы путешествуем по вашим краям, – сказал Ганс и сразу добавил успокаивающе: – Мы не сделали ничего плохого. Мы только хотим попросить воды.

– Воды? Воды можно, – согласился старик, но всё медлил и не открывал калитку.

– Кого там принесло? – раздался из-за забора старушечий голос.

– Путники воды просят.

Голова старика исчезла из щели. Вскоре калитка широко распахнулась, и нам приветливо улыбнулась беззубым ртом хозяйка. Она была полная, румяная женщина, казалась моложе своего мужа. Но скрипучий голос сразу выдавал в ней старуху.

– Заходите, заходите скорей во двор, – пригласила она, – не надо, чтоб вас видели на улице.

– Почему? – удивилась я.

Старуха не стала объяснять, только подталкивала нас во двор:

– Заходите, заходите.

Ганс ввёл за собой в поводу коня, закрывая за ним калитку, старик крякнул недовольно.

– Ещё и лошадь. Ох, горя не оберёмся.

– Муж у меня любит причитать, вы уж не обращайтесь внимания, – извинилась за него старуха. – Какой конь дорогой. Откуда он у вас?

– На ярмарку ведём, – беззаботно сообщил Ганс, – а хотите, вам продадим?

– На кой он нам?! – сердито буркнул старик.

Жена даже оттолкнула его, громко зашипела ему на ухо:

– Дурень! Сейчас купим у них по дешевке, а потом перепродадим втридорога.

Она повернулась к нам, снова беззубо разулыбавшись:

– Муж всего боится. Но деньжата у нас найдутся, на прошлой неделе двух свиной продали. Зачем вам ждать до ярмарки?! Сегодня бы и сговорились.

– Сговориться не долго, – деловито протянул мой спутник, – только дела так не делают. Кто ж на дворе договаривается?! Давай хоть в дом пройдем, за стол сядем. Накормишь хорошо, так, может, и цена будет меньше.

Старуха ухватилась за это его предложение, повела нас в дом, усадила на лавку, принялась ставить на стол миски с разносолами. Даже притащила из погреба пузатый кувшин с пивом. Старик исподлобья поглядывал на жену. Она не обращала на него внимания.

– Кушайте, гости дорогие.

Ганс хитро подмигнул мне, шепнул:

– Как легко стать «дорогими гостями».

Ради будущей выгоды хозяйка проявляла щедрость и любезность, так и сыпала мелким бисером всякие истории:

– Народ у нас здесь неплохой, но завистливый. Меньше своё добро берегут, чем заботятся, чтоб у соседа не прибавилось, самое главное, чтоб никто господину барону не донёс.

– Это почему же? – насторожился Ганс.

– Наш барон чужаков не любит.

– Когда его только черти заберут?! – глухо выругался старик.

– Это за что же? – пристал с расспросами мой попутчик.

Хозяева не хотели отвечать, старик просто отвернулся, его жена махнула рукой, но потом стала рассказывать:

– Наш господин считает себя продолжателем славных рыцарских традиций. Не покидает своего замка, не надев доспехов, даже по деревням ездит с полной свитой и солдатами, словно в крестовый поход собирается. Да это бы ладно... он особенно дорожит другой традицией...

Хозяйка сплюнула в угол. А старик объяснил зло:

– Очень ценит он своё право первой ночи. Ни одной свадьбы не пропускает. И ведь всё равно ему – красивая невеста или уродина. Потому за тот год, пока он путешествовал по другим странам, все старались побыстрее дочерей выдать замуж. Мы успели троим дочерям свадьбу справить...

Я не слушала её болтовню, скорее набивала рот. Мне хотелось всё попробовать: и луковую похлёбку, и вареную рыбу, и большой ещё горячий пирог. Только от пива я отказалась и получила кружку, до краев полную жирным парным молоком. Старуха не жалела угощения, поставила на стол и горшок со сметаной, и миску с печёными яблоками.

Только утолив долго мучивший меня голод, я смогла отвести взгляд от еды и осмотреться вокруг. Дом стариков только снаружи казался таким большим и солидным, потолок в небольшой комнате был удивительно низким. Крыша словно вдавила дом в землю. Кроме длинного стола да двух лавок, другой мебели в комнате и не было.

Мой спутник, в отличие от меня, не спешил, ел обстоятельно, придирчиво выбирал куски, строго посматривал на хозяйку. О деле заговорил не с ней, а со стариком. Тот польщённо улыбнулся, важно погладил живот, неспешно уселся напротив гостя.

– Давай, что ли, потолкуем о деле.

– Теперь уже пора, – охотно согласился Ганс.

– Сколько ты хочешь получить за коня?

– В любом случае деньгами я прошу только половину суммы, – уверенно выдвинул свои условия Ганс, – нам с сестрой, нужен ночлег и хорошее питание на неделю. Если вы не можете этого предоставить, мы отправимся в другой дом.

– И коня им продадите?! – вмешалась в разговор старуха.

Она набросилась на своего мужа:

– Соглашайся, соглашайся! Еда у меня найдётся. Надо будет, и гуся зарежем. А когда ещё такого коня за полцены купим?!

Старик сморщился от её громкого голоса, словно от боли, стал совсем похожим на сушёную грушу. Но кивнул, согласился:

– Будь по-твоему!

– Только деньгами давай сразу рассчитаемся, – потребовал Ганс.

– Пойдём со мной, – позвал старик.

Когда они вышли, хозяйка набросилась на меня с расспросами:

– Вы к нам откуда?

– Из города, – неопределённо ответила я.

– Далеко идёте?

– Далеко...

Я совсем растерялась, не знала, что ответить. Горько пожалела, что рядом нет громалы, как легко у него получается обманывать и выдумывать всякие небылицы. А старуха и не собиралась отставать:

– Это твой брат?

– Да.

– А чё так не похожи? Ты что – мало каши ела?

– Он больше на отца похож, – нашлась я. – А я болела недавно.

– Ты не заразная? – шарахнулась от меня старуха.

– Нет, нет, просто простудилась, – спохватилась я.

– Ты смотри, не ври, а то быстро выгоним, – пригрозила хозяйка.

К счастью, у неё пропала охота разговаривать. Хозяйка повернулась ко мне спиной, принялась греметь горшками. Возвращению громалы я обрадовалась, больше, чем тогда в сарае.

– Мы сговорились к общему удовольствию, – весело сообщил он.

Как хорошо, можно расслабиться и забыть обо всём на целую неделю. Кажется, только сейчас я за последние дни перестала бояться, пригрелась, сильно захотелось спать...

...Резко стукнула входная дверь, я с трудом подняла тяжёлые веки. Сон разом как рукой сняло. Прямо перед собой я увидела жирного палача! Конечно, без топора, без красного колпака и кожаного фартука, но это точно был он!

Я вскочила на ноги, готовая бежать. Но куда?! Я быстро оглянулась, Ганса я не увидела, а хозяев внезапное появление палача не испугало. Старики счастливо ему улыбались:

– Вот и сынок наш, из города приехал, родителей навестить.

Толстый сынок уставился на меня, свел на переносице косматые брови. Лицо его отразило усиленную работу мысли. Только теперь я заметила, что нос у палача разбит и посинел как клюква, ярко напоминая памятное падение. Палач меня узнал.

– Вы! – заревел он. – Вы должны сгореть! Я доведу дело до конца!

Я застыла от ужаса. В это мгновение Ганс бросился на палача, ударил кулаком в нос, оттолкнул. Толстяк повалился на пол, перевернув лавку. Ганс дёрнул меня за руку:

– Бежим, быстрее!

Он потащил меня к двери, мимо громко чертыхавшегося палача; распахнул её. Мы выбежали на крыльцо, я очень старалась поспевать за моим спасителем, но запуталась в длинной неудобной юбке и едва не растянулась, наступив на свой подол.

– Ты ещё и бегать не умеешь?! Ну за что мне такое счастье?! – воскликнул Ганс и, привычным жестом опять взвалив меня на плечо, бросился наутёк.

Мне даже не хотелось возмущаться. Такой способ передвижения был действительно гораздо быстрее. Мы уже покидали двор, когда на крыльце показались толстый палач и его престарелые родители. Преследователи громко кричали, махали кулаками, угрожали всеми известными наказаниями.

Снова я болталась вниз головой и видела под собой дорожные камни. Кажется, родственники палача не решились нас преследовать на улице, за воротами своего дома. Но Ганс сбавил шаг, только когда негостеприимная деревенька осталась далеко позади. Он опустил меня на землю, отдышался.

– Ну, теперь твоя очередь придумывать, что делать дальше, – строго сказал он.

– Не знаю... – жалобно призналась я, – может, вернуться в мою деревню? У меня там остались родители и козочка.

– Молодец, – усмехнулся Ганс, – давай вернёмся туда, откуда тебя послали на костер, может, опять пошлют, погреемся.

– А что же тогда делать? – всхлипнула я.

– Только не реви, что-нибудь придумаем. Для начала, хорошо бы понять, где мы находимся.

Мы принялись крутить головами, осматривать окрестности. Но это мало нам помогло. Кругом на пологих холмах простирались голые поля, с которых уже давно убрали хлеб. Вдалеке поблескивала река, и темнел жидкий лесок.

– Ты здесь раньше бывала? – спросил Ганс.

– Нет, – честно призналась я, – это очень плохо, да?

– Не переживай, я так спросил, на всякий случай.

– Что теперь будет?! – в отчаянии воскликнула я.

– Хотел бы я это знать, – серьёзно ответил мой спаситель, – пока мне в голову приходит, только идти по этой дороге, куда глаза глядят.

Мы так и сделали. Одинокие, бездомные, сбежавшие от инквизиторов, мы молчали, погружившись каждый в свои невеселые мысли.

Глава семнадцатая ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

«Что это было?! Сон или явь? Или я просто спятила? Нет, не могла же я сойти с ума вместе со Светой! Да ещё Серёга с его машиной. Такими толпами с ума не сходят. Но что-то происходит очень странное – я уже засыпаю и просыпаюсь «там». Мне бы хоть выяснить, где «там». Хорошо уже то, что я успела придти домой. Неизвестно, как я выгляжу со стороны, когда переживаю все эти приключения. А так сижу себе на собственном диване».

Что-то странное со мной, видимо, происходило. Иначе почему у кошки такие огромные глаза?! Сидит прямо напротив, смотрит на меня ошалело.

– Ты чего, – спрашиваю я у своей лысой кисы.

Милое животное изображает на своей морщинистой мордочке такое возмущение, что я вдруг понимаю:

– Так ты просто есть хочешь!

Вместо ответа Пальма галопом несётся на кухню. И громко, призывно мяукает оттуда. Я неохотно поднимаюсь с дивана и покорно плетусь за ней. Только открыв холодильник, вспоминаю:

– Прости меня киса! Твои консервы для самых маленьких ещё вчера закончились. А сегодня ничего не купила, совсем, совсем забыла. Придётся тебе начинать питаться как взрослой.

Пальма, само собой, не возражает.

– Вот и прекрасно, вспоминай, что кошки тоже хищники.

С этими словами я лезу в морозилку и извлекаю оттуда последний оставшийся кусок мяса. Им оказываются намертво смёрзшиеся свиные рёбрышки. Вооружившись ножом, я тщетно стараюсь отрезать кусочек мяса для кисы. Мои титанические усилия долго остаются бесплодными. Как только мне удаётся настрогать мясо, кошка набрасывается на него как голодная собака...

...Из-за холма с громким лаем нам на встречу вылетели четыре громадные косматые грязно-коричневые собаки. Они остервенело рвали и отбирали друг у друга кровавый кусок мяса. Испугавшись, я спряталась за широкую спину Ганса. К счастью, разъярённым псам не было до нас дела. Мы остановились и с ужасом смотрели на их грызню.

– Охотничья свора, – шепнул Ганс, – сейчас появятся хозяева.

Охотники не ставили себя долго ждать. Прямо на нас из-за холма вылетел разгорячённый всадник на тёмно-сером коне. Следом за ним бежали запыхавшиеся слуги, они бросились разнимать псов. А всадник направил коня к нам, и вид у него был не более дружелюбный, чем у его своры. Молодой ещё мужчина одетый в синей пурпуэн¹. Смерил нас

¹ Пурпуэн – средневековая одежда, стеганная на вате и надеваемая под воинские доспехи. К концу первой трети XIV века становится – при изменении покроя – одним из видов светской верхней одежды.

презрительным взглядом. Он подслеповато шурил маленькие серые глазки, почесал заросшую щетиной щеку и спросил раздражённо:

– Кто такие? Какого чёрта вы делаете на моей земле?

– Идём мимо, – не растерялся Ганс.

– Проезд по этим землям стоит денег, – бросил через губу охотник.

Едва увидев его, я сразу догадалась, что мы наткнулись на того самого барона, о котором говорила старуха. Знание его привычек наполнило моё сердце ещё большим страхом. Мне так хотелось исчезнуть, стать совсем незаметной. Но приверженец старинных правил ткнул на меня пальцем.

– Она тебе кто? – грубо спросил у моего спутника.

– Сестра.

– Не ври, какая она тебе сестра?! Вы похожи как конь на ежика, – расхохотался барон. – А раз вы не родня, значит муж с женой или любовники. Откуда сбежали, сознавайтесь?

Даже остроумный Ганс не нашёлся, что ответить. А барон продолжал свои рассуждения:

– Что ж она у тебя такая худая и страшная?! И что ты в ней нашёл? А, понял, по всей видимости, она умеет в постели что-то такое, до чего наши пышнотелые девицы ещё не додумались. Поделись, я тоже хочу!

Барон двинул на нас коня, захав как-то сбоку, наклонился и схватил меня за волосы. Я пронзительно закричала. Ганс ринулся на обидчика, перехватил его руку. И как только барон от боли разжал пальцы, освободив мою косу, громила изо всех сил толкнул серого коня. Он повалился на землю вместе с всадником, придавив своего похотливого хозяина. Мы бросились бежать. Старательно подобрав длинную юбку, я торопилась изо всех сил, даже обогнала Ганса. Или он специально отстал, для того, чтобы защитить меня от погони. Но его решимость пропала даром. Слуги не особенно торопились, и через некоторое время барон отозвал их назад, чтоб они избавили его от неуклюже барахтавшегося коня и собак, на удивление не побежавших за нами, а принявшихся облаивать своего хозяина.

Но мы боялись остановиться и перевести дух. Впереди маячили какие-то деревья. Только добравшись до них, я остановилась и сразу повалилась от усталости. Ганс сел на землю рядом со мной.

– Они отстали? – спросила я, едва отдышавшись.

– Уже давно. Оказывается, заморыши так быстро бегают.

– Тебе смешно, а я так испугалась!

– Чего же? Барона или собак?

– Даже не знаю, кого больше. Ты так решительно бросился меня защищать... Почему ты меня спасаешь?

Ганс глубоко задумался, долго не отвечал, потом произнёс, с трудом подбирая слова:

– Хотел бы я сам знать. Ты... такая беззащитная... худая, глупая... Что бы с тобой стало, если бы я тебя тогда не утащил с собой?!

– Представить страшно, – вздохнула я.

– Да-а, лучше не представляй. Но, кажется, теперь у нас положение не лучше. Ничего, я что-нибудь придумаю.

– Ты такой добрый.

– Нет, – рассмеялся Ганс, – я тупой и сильный. Вот и затащил нас неизвестно куда!

– Ничего, ты что-нибудь придумаешь! – грустно улыбнулась я.

– Придумаю, – кивнул Ганс, – только интересно, что я придумаю.

Он думал, но, кажется, так и не находил выхода из сложившейся ситуации. Я старалась не мешать, сидела рядышком тихо-тихо, а мой спаситель хмурился, подбирал застывшие комочки земли и швырял их в кусты.

– Хватит отдыхать, вставай! – скомандовал он. – Надо уйти дальше в лес. Слишком рано мы остановились.

– Идти снова, – простонала я, – я так устала и проголодалась.

– Опять?! – рассмеялся гигант, – мы же ели совсем недавно. Да ты избалованная.

Наверное, он был прав, мне было очень трудно поспевать за ним по лесному бездорожью. Я чувствовала себя такой несчастной и беспомощной. Вокруг всё плотнее сдвигались деревья, уже потерявшие все листья. Пожухшие и потемневшие, они тревожно шуршали под ногами. Только ёлки встречали зиму в том же наряде, что и лето. Но в осеннем лесу они казались мрачными, почти чёрными. Унылое серое небо угрожало расплакаться холодным дождем. В воздухе пахло сыростью. Чтобы отвлечься от нарастающей тревоги, я принялась болтать:

– Сидели бы сейчас в тепле, в деревне.

– Откуда ж мы знали, что сынку приспичит навестить родителей?

– Жаль только, что коня продали за полцены.

– Ну... – хитро улыбнулся Ганс, – пусть родственнички палача думают, что за полцены. Они ничего не смыслят в верховых лошадях, а я прекрасно разбираюсь. Этот конёк уже не молодой, потянутое колено у него плохо залечено, да и масть не модная. Столичные вельможи сейчас предпочитают вороных жеребцов или, в крайнем случае, тёмно-серых. Так что на ярмарке они вряд ли выручат намного больше, чем заплатили мне.

– Ты что, конокрад? – испугалась я.

– Вот ещё! – оскорбился громила. – Мой отец оружейник, лучший мастер конского доспеха в округе. Он должен всё знать про верховых скакунов. Я с детства крутился у него в кузнице, старался запомнить каждую мелочь. Знаешь...

Я так и не узнала, что хотел мне рассказать Ганс. У нас за спиной неожиданно раздался громкий лай.

– Барон всё-таки пустил по нашему следу собак, – успел сказать мне Ганс. Он вооружился, подняв с земли толстую длинную ветку и сломав её об колено, – теперь нельзя бояться и бежать! Собаки всегда окружают и нападают сзади. Прижмись спиной ко мне, пусть у нас везде будет перед.

Я сделала, как он сказал. Но, когда увидела со всех сторон оскаленные клыки громадных псов, чуть не умерла от ужаса. Собаки рычали, прыгали, но пока не нападали. Вдруг одна из них бросилась на Ганса, он с размаху ударил её палкой.

– Вот тебе!

Я услышала, как она упала и завизжала. От страха я закрыла глаза. Псы почуяли мой ужас, один как-то сбоку прыгнул на нас, у самого моего плеча лягнули челюсти. Меня обдало противным запахом псины. Ганс успел отбить и это нападение. Собака замертво упала на землю. Остальные зверюги стали пятиться и мгновение спустя, поджав хвосты, бросились наутёк. Громила швырнул палку им вслед, снова раздался визг.

Мы не успели порадоваться первой победе, как появилась новая угроза. Барон прислал за нами слуг. Их было человек десять, вооружённых палками, кольями, ножами. Один даже тряся на толстом старом мерине. На Ганса набросились сразу трое. Двоих он отшвырнул, но их сменили четверо других. Завязалось жуткое побоище. Меня схватили, потащили куда-то, я громко пронзительно закричала, пыталась брыкаться, вырываться, но всё было бесполезно. Мужик, приехавший верхом, грубо сгрёб меня и плюхнул поперёк седла.

Опять я висела вниз головой, вдыхала вонь старого мерина, меня стегали ветки кустов, а душа разрывалась от отчаяния. Чувство было более острым, чем когда меня везли на костер. Там, в телеге, замерзшая и выплакавшая все слезы, я словно одеревенела. Теперь, когда Ганс разбудил во мне надежды, переживания нахлынули с новой силой... Вскоре внизу жухлые листья сменились на промёрзшее поле, а потом на утоптанную поверхность дороги. Мы выбрались из леса и уезжали всё дальше. Слуга барона крикнул довольно:

– Вот ты и попалась, милочка. Хозяин будет доволен. Эх, чего только хозяин в тебе нашёл?! Даже пощупать нечего.

Он грубо шлёпнул меня по торчавшей кверху попе.

– Тоща, как бревно! А твоему приятелю достанется! Ребята его на славу отделают, если не прибьют совсем! Он трёх лучших хозяйских волкодавов покалечил. Барон такого никому не спустит.

Я устала от неудобной позы, ещё больше от его хамства и, не зная, что предпринять, попыталась сделать хоть что-нибудь. Извернувшись, я схватилась рукой за ремешок уздечки низко опустившего голову мерина и, собрав все силы, резко дёрнула к себе. От неожиданной боли животное свернуло голову влево, попятилась правым боком. Я отпустила уздечку, конь дёрнул головой и взбрыкнул задними ногами. Так сильно, что неуклюжий всадник вылетел из седла, перевалился через шею коня и плюхнулся на дорогу. Я соскользнула вниз и, чудом удержавшись на ногах, подхватив юбку, побежала назад. А мерин, заржав, припустил в другую сторону. Сброшенный им всадник, громко ругаясь, поднялся с земли.

– Вот чёртово отродье! Куда?! Куда вас, черти, понесло!

Он постоял, решая, кого из нас догонять первым. И смачно плюнув мне в след, двинулся за конём.

– Ах ты, старая колода! Ты ж еле ноги волок, кой чёрт в тебя вселился?! Скотина проклятая! – ещё долго слышала я его скрипучий голос.

Я торопилась, как могла, бежала к Гансу. Так отчаянно хотелось прижаться к нему и снова почувствовать себя в безопасности. Конечно, он грубый громил, но оставаться одной было так невыносимо. Я бежала обратно в лес, туда, где последний раз не была один на один со своим ужасом. Я готова была простить громиле его шуточки и обидные прозвища. Я очень спешила сказать ему об этом, но у холма, возле которого мы первый раз увидели собак, я снова наткнулась на баронских людей.

– Ух, ты! Цыпа сама бежит нам навстречу! – весело крикнул кто-то из них. – Иди! Иди сюда скорей!

Я метнулась по полю, в сторону от дороги. Но как ни торопилась, я уже задыхалась, совсем выбилась из сил, и вскоре слуги барона догнали меня, скрутили толстой веревкой и потащили на привязи, словно упрямую козу. Со связанными руками я не могла подобрать свою слишком длинную юбку, пугалась в ней, чтобы не упасть, шла мелкими шажочками. А люди барона потешались надо мной:

– Попалась, курица драная! Упустил тебя старый Фриц, разучился он с девицами ладить. От нас не сбежишь! Даже не думай, не то мы и тебе накостьляем, как твоему приятелю.

Они грубо хохотали. Я их украдкой рассматривала. Хороши были победители: один сильно хромал, так что даже не участвовал в погоне за мной, а ждал всех на дороге, оперевшись на палку; у другого была сломана челюсть, и он мог только мычать; у двоих были выбиты передние зубы, и почти у всех лица заплывали лиловой синевой. Однако мой вид казался им ещё забавнее.

– Вот чудело! – показывал пальцем один.

– Чего с тобой возятся?! – возмущался другой.

– Видно, на безрыбье и рак – рыба, – констатировал третий

– Я знаю, зачем она понадобилась барону. Всё очень просто. Год был неурожайный, свадеб никто не играл, заскучал наш хозяин. Теперь хоть с этой метёлкой развлечётся!

Я старалась не слушать, шагала, глядя себе под ноги. И всё равно умудрилась наступить на край юбки, упала на колени и больно ушиблась. Мои мучители загоготали. Я готова была расплакаться:

– Отпустите меня!

– Чего ты там скулишь?

– Отпустите...

– На кой чёрт это нам?! Раз барон приказал, мы всё исполним в точности: мужика прибили, бабу поймали. Глядишь, награду получим.

Сумев подхватить свою длинную юбку, я поднялась на ноги, но сил идти, у меня больше не было. Меня душили слезы. Я даже не могла

вытереть их со щёк, и не слушала пошлых шуточек обо мне. Остаток долгого пути я вспоминала свои приключения последних дней и плакала.

– Вот, наконец, и замок! – громко воскликнул один из баронских слуг.

Я подняла голову. Впереди, на холме, возвышалось небольшое мрачное строение, похожее больше на квадратную крепостную башню, чем на богатое жилище феодала. Сложенный из крупных тёмных камней, замок был лишён каких-либо украшений. Ни маленьких башенок, ни затейливых выступов. Маленькие, узкие окна больше были похожи на бойницы. Мне совсем не хотелось идти к нему. Однако выбора у меня не было. И уже очень скоро, пройдя по узкому каменному мосту без перил над заросшим рвом и миновав мощные ворота, я оказалась на вымощенном большими плитами дворе замка. Там было так темно и мрачно, словно я попала на дно колодца.

Меня долго тащили по узкой винтовой лестнице, ещё более тёмной и холодной, чем двор. Потом вели по низкому коридору, пока не заперли в каком-то странном помещении. Хорошо хотя бы, что мне развязали руки. Мерзко щёлкнул замок, запирая толстую дубовую дверь. С моей стороны на ней даже не было ручки. Я вдохнула затхлый, тяжёлый воздух и оглушительно чихнула. Вытерев нос рукавом и осмотревшись, я обнаружила, что нахожусь в длинной узкой камерке с низким потолком. От двери до окна-бойницы было шагов пятнадцать. А в ширину всего пять. У стены стоял старый разошедшийся сундук с плоской крышкой, стянутый железными полосами. На нём и на полу рядом громоздились десятки кувшинов с отбитыми ручками и расколотых горшков. В углу даже валялась сломанная метла и ещё какой-то хлам. На всём лежал толстенный многолетний слой пыли.

Я завернулась в свой плащ, сжалась в комочек и разрыдалась. Я плакала долго и безушечно. Через узкое окно света в мою темницу и без того проникало очень мало, но серые сумерки стали сгущаться ещё больше. Близился вечер. Обо мне никто не вспоминал. Я встала, подошла к единственному отверстию в мрачных стенах. Окошко было расположено высоко, я могла выглянуть в него, только подпрыгнув. Прыгая возле него, как заяц, я успела заметить во дворе кучку слуг, весело о чём-то болтавших и смеявшихся. Их смех жутко меня разозлил.

– Веселитесь, сволочи! Совсем забыли обо мне! Я есть хочу! Я пить хочу! А-а-а! Гады!

В бешенстве я схватила один из кувшинов и запустила им в дверь. Глухо стукнув по ней, сосуд свалился на пол и разбился вдребезги. Второй горшок попал в каменную притолоку, и осколки разлетелись во все стороны. Третий горшок, четвёртый... Я переколотила все мелкие посудыны, засыпала весь пол черепками и подняла такую пыль, что дышать стало невозможно. Я чихнула подряд раз шесть. И поскольку из-за двери так и не раздалось ни звука, неожиданно для себя решила прибраться в своём вынужденном жилище.

Вооружившись сломанной метёлкой, я смела в кучу черепки, пыль, какую-то шелуху; и задумалась: что делать дальше с этим богатством. Пришедшее само собой решение меня даже развеселило. Я перевернула возле окна самый большой горшок, встала на него и стала выбрасывать мусор в окно.

Мне так хотелось попасть черепком, хоть кому-нибудь по голове. Но, как на зло, теперь двор был абсолютно пуст. Перекидав таким образом весь мусор, я почувствовала сильную усталость. Да и заняться больше было абсолютно нечем. Я забралась на сундук и попробовала заснуть. Вот когда я порадовалась, что оконце такое маленькое. Наступающая ночь принесла с собой холодный пронизывающий ветер. Я поплотнее закуталась в свой плащ и стала ждать, что же будет дальше...

Глава восемнадцатая **ПЛАН ДЕЙСТВИЙ НА ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ**

– Вот тебе на!

Сижу на табурете в собственной кухне. Судя по тому, что Пальма только начала жевать мясо, совсем недолго сижу. А мне-то кажется, что уже прошёл целый длинный день. Опять мне мерещатся приключения в совсем другом времени. А может быть, и не мерещатся, а вспоминаются... Хотела бы я понять, что это такое! Барона рассмотреть толком я не успела, но его сальные глазки кого-то мне напоминают.

Кошка моя устала есть и блаженно уснула, обняв лапами недоеденный кусок мяса. Честно говоря, она выглядит так, словно её кто-то уже пожевал. Хорошо кошке! Поест, поспать, больше ей ничего и не надо. А вот я уже, кажется, привыкла к бурной, непредсказуемой жизни. Сижу и грущу оттого, что на предстоящие выходные не намечается ничего интересного.

«Замечательно я учусь, пропускала, пропускала, честно отсидела в институте один день и опять выходные! Благодать! По-хорошему, надо бы переписать кучу пропущенных лекций, но...».

Титаническим усилием я заставляю себя сесть за стол, открыть тетрадь, взять ручку... Даже удивительно, уже несколько часов я честно занимаюсь скучнейшим делом, а со мной всё ещё ничего не случилось. Так не бывает! Во всяком случае, в последнее время.

– Ну вот, наконец-то!

Весёлый звонок в дверь отрывает меня от скучного занятия. Вприпрыжку бегу открывать.

– Саша! Я так рада!

Он тоже улыбается, протягивает мне веточку кустовых хризантем. Честно говоря, я недолюбиваю эти садовые ромашки, но сейчас они повергают меня в полный восторг.

– Боже мой, какая прелесть! – искренне восклицаю я.

– Я боялся, что тебе не понравится. Но все розы, словно сговорившись, исчезли из этого города.

– Самое главное, что тебе не пришло в голову притащить мне гвоздики, – весело замечаю я, ставя цветы в вазу на столе, – терпеть не могу эти цветы революции. И кто вообще придумал, что красные гвоздики – это красиво?!

– Робеспьер, – просто ответил Александр. – Красные гвоздики были его любимым цветком, поэтому и стали символом революции.

– Откуда ты всё знаешь?!

– Интересно.

– Ладно, про Робеспьера побеседовали, – подытоживаю я. – Впереди выходные, у тебя есть какие-нибудь мысли?

– Есть кое-что, но...– смущается Саша, – я не знаю, как ты к этому отнесёшься.

– Давай проверим, – весело предлагаю я.

– Я хотел, – начинает он, помолчав, – я хотел познакомить тебя со своим отцом.

– Так сразу?!

– Если ты против, мы можем придумать что-нибудь другое, – спохватывается мой собеседник.

– Нет, я, конечно, не против... Только это как-то неожиданно! Не представляю, о чём я буду говорить с твоим отцом.

– Например, о спорте.

– Если бы я хоть что-то понимала в спорте, – сокрушаюсь я.

– Это абсолютно неважно, – успокаивает меня Саша. – Отец обожает обучать начинающих спортсменов.

– Решено, – оптимистично соглашаюсь я, – едем знакомиться! А куда едем? Что мне лучше надеть?

Я успеваю добежать до шкафа, открываю обе дверцы и застываю от изумления, услышав:

– Лыжный костюм. Отец сейчас катается на горных лыжах.

– Где?! Как?! – поражённо восклицаю я. – Сейчас же осень, снега ещё нет и в помине!

– В горах есть. Там он есть всегда, – спокойно отвечает Александр.

– В таком случае, сборы займут некоторое время.

– Что ж, я заеду за тобой через час, мне ведь тоже нужно переодеться.

Мы расстаёмся. Я лихорадочно начинаю придумывать, как не ударить в грязь лицом. Вот когда я горько жалею о своей крайней нелюбви к спорту! Во всём моём многочисленном гардеробе не находится ничего подходящего случаю. Приходится навестить Свету. Благо поход в соседний подъезд не требует много времени. Глупо улыбаясь, объясняю ей свою затруднительную ситуацию и решаюсь выпросить у предусмотрительной подруги её великолепный белый лыжный костюм. Света сама не знает, для чего приобрела эту дорогую вещь, ведь кататься на горных лыжах, по её словам, она не стала бы и под страхом смерти. Так и пылился бы белоснежный шедевр в шкафу, если бы не странное

Сашино предложение. Подруга даже забывает, что обижалась на меня, крайне заинтригованная происходящим.

Хотела бы я сама знать, что будет дальше, а дальше становится всё удивительнее.

Я едва успеваю вернуться к своему подъезду, почувствовать себя белой вороной в пушистой вязаной шапочке и лыжном костюме на голом асфальте. И задаться вопросом, кто из нас двоих окажется пунктуальнее, как прямо возле меня тормозит здоровенный навороченный джип. Я шарахаюсь в сторону, после многочисленных рассказов подруг опасаясь нелицеприятных встреч с владельцами подобных автомобилей. Моё лицо вытягивается от удивления, когда задняя дверца монстра открывается и с высокой подножки спрыгивает Александр.

– Отлично выглядишь, – улыбается он мне, – а говорила, что тебе нечего надеть.

– «Я приличная девушка, должна поломаться», – цитирую я давно понравившуюся фразу из кинофильма.

Уже через несколько минут мы стремительно летим невесть куда на огромном чёрном внедорожнике. Я с великим интересом осматриваюсь, впервые попав внутрь такого монстра. Странное чувство оттого, что сижу так высоко. Остальные машины проносятся значительно ниже. Поражаюсь широким салоном, даже не знаю, о чём теперь говорить с сидящим рядом Сашей. Так непривычно и чуть-чуть страшно. Баснословно дорогая машина, личный водитель. Я словно попала в другой мир. Не знаю, как себя вести, а ещё боюсь проснуться.

За последнее время я уже успела привыкнуть к быстрой смене событий, но добрая половина из них происходит во сне или ещё где-то. Я учусь не удивляться.

– Долго ещё ехать? – жизнерадостно спрашиваю я у своего спутника.

– Уже приехали, – неожиданно отвечает он.

Все мои старания сохранять непроницаемый вид идут прахом, когда Саша выходит из машины, подает мне руку и ... Я вижу перед собой большущее абсолютно пустое поле.

– Что это?! – невольно спрашиваю я.

– Вертолётная площадка.

– Ты собираешься лететь на вертолёте?!

– Конечно, только так можно попасть на большую высоту, – спокойно рассуждает Саша.

– Я не полечу! – категорично заявляю я.

Мой собеседник выглядит удивлённым.

– Ты что, боишься? – не верит он. – Летать на вертолёте совсем не страшно.

«Хорошо ему рассуждать, небось каждую неделю летает кататься. Вон как ярко-синий лыжный комбинезон отлично на нём сидит. Явно не с чужого плеча. Саша-то отлично знает, куда и к кому мы направляемся. А я ...»

– Ты хоть бы что-нибудь рассказал о своём отце! – требую я от Александра.

– Прости. Я должен был с этого начать. Уверен, вы друг другу понравитесь. Он у меня такой молодой и энергичный, что даже мне порой трудно за ним угнаться.

– А откуда... откуда у вас?.. – мнусь я, киваю на дорожную машину.

– Ах, это, – смеётся Саша, – ты не поверишь, на самом деле мой отец профессор-астрофизик. Но лет десять назад ему страшно надоело быть умным и бедным, и мало помалу наше голодное существование сменилось нынешним благополучием.

«Он называет это просто благополучием!» – возмущённо подумала я.

Позавидовала и сразу устыдилась. Ведь с самого детства меня учили, что зависть – отвратительное чувство.

Мои самокритичные рассуждения прерывает шум подлетающего вертолёт. Одно дело – видеть чудо техники по телевизору и совсем другое –глохнуть от шума и бороться с порывами ветра от винтов. Несмотря на всё, что я помню из физики о том, как летают тяжеленные машины, реальность производит на меня колоссальное впечатление. Не знаю, закрыла ли я разинутый от восторга рот или так и стою со страшно умным видом.

Подхожу к крылатой машине, забираюсь внутрь в полуобморочном состоянии. Плохо понимаю, что происходит. Усаживаюсь на неудобную жёсткую скамеечку вдоль правого борта, рядом с весёлыми, шумными ребятами. Они-то, похоже, чувствуют себя, как рыбы в воде. А я, ни жива, ни мертва, выглядываю в круглый иллюминатор. Если бы Саша не сел рядом и не взял меня за руку, я бы очень громко закричала, увидев, как земля качается и стремительно уносится вниз.

Через некоторое время я уже могу выразить свой восторг словами:

– Ух, ты! Вот это да! – перекрикиваю я гул винтов.

– Ты первый раз летишь? – удивляется Саша так же громко.

– На вертолёте – первый. Я, конечно, летала в Москву, но большой пассажирский самолёт – это совсем другое. Там, что летишь, что стоишь. А здесь земля совсем близко, видно, как быстро мы двигаемся, даже тень вертолёт видна.

Внизу голые берёзовые рощи сменяются вечно тёмно-зелёной тайгой. Мелькают зелёно-серые лужицы озёр. Река змеёй ползёт в сторону. К моему немалому удивлению, я вижу островки снега, и вскоре всё пространство между деревьями становится белым.

– В этом году снега ещё мало! – кричит мне в ухо Александр. – Приходится забираться очень высоко.

Я киваю, делаю вид, что разбираюсь в лыжных трассах, а в душе искренне надеюсь, что даже очень высоко кататься невозможно и мне не придётся вставать на лыжи и признаваться в своём полном неумении это делать.

– Вы всегда так развлекаетесь? – спрашиваю я у Саши.

– Нет, конечно, – кричит он в ответ, – мы сейчас летим на ежегодный слёт экстремалов.

– Но я не экстремал! Я боюсь! – вырывается у меня отчаянный протест. – Только не я!

Саша старается успокоить, что-то говорит, объясняет. Из-за шума я не могу разобрать ни слова, но и без слов верю ему и, к собственному немалому удивлению, постепенно перестаю беспокоиться. Снова смотрю в иллюминатор, тайга становится всё реже, на горные кручи взбираются редкие кривые ёлки. Я совсем расслабляюсь, любуюсь пейзажем, пока Александр опять не повергает меня в ужас вопросом:

– Ты с парашютом прыгала?

– Нет, нет! – шепчу я и энергично машу головой из стороны в сторону.

А спутник вовсе не замечает моего ужаса. Сообщает весело:

– На этом склоне некуда посадить вертолёт, придётся прыгать.

– Ни за что! – категорично заявляю я.

– Не трусь, это совсем не страшно. Я прыгал уже много раз, и тебя бросать не собираюсь. Прыгнем вдвоём – тандемом.

– Ну, если только вдвоём, – уступаю я.

Чтобы меньше бояться, я говорю себе, что мне делать ничего не придётся, решаю зажмуриться и не открывать глаз до самой земли. Словно подслушав мои мысли, Александр предупреждает:

– Не вздумай прыгать вслепую, пропустишь самое интересное, даже вспомнить будет нечего.

Когда все надевают парашюты и Саша галантно пристёгивает меня к себе, мне приходит в голову спросить:

– А как же лыжи?

– Ты предпочитаешь лететь с неба в полной экипировке? – удивляется Саша.

– Я предпочла бы сидеть дома, – бурчу я себе под нос.

О, как горько я жалею о том, что сегодня вышла из дома, когда стремительно лечу бог знает с какой высоты! Ветер свистит в ушах, хлещет по щекам.

– Мама!

Резкий рывок – и я повисаю на парашютных лямках. Лечу! Лечу! Саша ругается за моей спиной. Судя по всему, летим мы куда-то не туда.

Несмотря на снег и все Сашины старания, посадка вовсе не кажется мне мягкой. Мы кубарем валимся на землю, путаемся в постромках. Купол парашюта накрывает нас сверху. В голливудском фильме главные герои принялись бы целоваться. А мне хочется только ругаться самыми плохими словами.

– Какого чёрта?! Зачем?! Куда ты меня притащил?!

Александр выбирается из-под шёлкового полога, крутит головой, признаётся хмуро:

– Понятия не имею.

– Что?! Где мы?

– Не знаю! Нас сильно снесло ветром в сторону. Потом ориентируемся, сейчас главное, скажи – у тебя всё в порядке?

– Кажется, всё цело, – хмуро констатирую я, мысленно ощупав тело.

– Обязательно сразу сознайся, если что-то заболит.

Я на четвереньках выползаю из-под парашюта, встаю на ноги и вновь обретаю решительность.

– Так, и что теперь делать?! Куда идти?!

– Туда, – указывает Саша налево не слишком уверенно.

И не мудрено, пейзаж вокруг удивительно однообразный: девственно белое покрывало снега, горный склон и огромное синее небо над головой. Единственным ярким пятном выделяется наш оранжевый парашют.

– А кто должен забрать его? – опять пристаю с расспросами я.

– Не знаю, – пожимает плечами Александр.

– Приятно слышать, что ты хоть чего-то не знаешь, – бурчу я. – Только лучше бы уж ты знал, что нам делать дальше.

– Насколько я понимаю, мы должны быть совсем недалеко от остальных. Давай оставим здесь парашют как ориентир и пойдём искать людей.

– Ну, пошли.

Сказать было гораздо легче, чем сделать. Снежный покров, недостаточный для беззаботного скольжения на лыжах, без них оказался довольно глубоким. Снег доходил мне до колен, к тому же, приземляясь, я сильно ушибла ногу. Очень хочется громко ругаться и жаловаться, но я не могу при Александре позволить себе такой роскоши. Я героически подбираюсь следом за ним и пытаюсь беззаботно чирикать:

– Так твой отец настолько богат, что может позволить себе вертолёт?

– Если бы. Он не олигарх, но у него очень много друзей. Порой мне кажется, что он знаком со всем белым светом.

– Причём здесь друзья?

– Именно они раздобыли вертолёт и придумали кататься в этих горах.

– Так вот кто виноват в моих мученьях, – вздыхаю я и спрашиваю измученно, – когда мы, наконец, куда-нибудь дойдём?

Саша молчит, сопит виновато. Спрашивает для того, чтобы отвлечь:

– Как там поживает мой подарок? Сегодня у тебя я кошку так и не углядел.

– Ещё бы, Пальма ни на шаг не отходит от холодильника, целыми днями сторожит еду.

– У неё хороший аппетит?

– Замечательный! Лысая кроха готова съесть слона. Видел бы ты её абсолютно круглый живот.

– Значит, ей хорошо.

– Хоть кому-то сейчас хорошо, – уныло бурчу я, – я тоже хочу есть и пить. И вообще, домой хочу!

Теперь я уже не могу остановиться – жалуясь, жалуясь, жалуясь... мне самой себя жалко до слёз. Бедная девочка, потерявшаяся в заснеженных горах! Александр вежливо делает вид, что не слышит моих причитаний, хмуро шагает впереди. Как только он останавливается, я сразу плюхаюсь на снег.

– Всё! Я дальше не пойду!

– А дальше и некуда, – сообщает мой спутник.

– Как это?!

– Впереди обрыв, кажется, мы пошли не в ту сторону.

– Не может быть! – кричу я, вскакиваю, подлетаю к Александру и застываю.

Впереди, сразу у моих ног, ровная заснеженная поверхность резко обрывается, голая скала вертикально уходит вниз на огромные пространства. С уступа открывается завораживающе прекрасный вид на многие километры. Внизу раскинулись в своей мощной красе горные вершины, хребты, перевалы. Я вдруг понимаю, зачем люди идут в горы. Такого острого чувства свободы и счастья мне не доводилось испытывать ещё никогда. От студёного высокогорного ветра кружится голова.

– Нам придётся идти назад, – возвращает меня к действительности голос Александра, – остальные, видимо, нас ждут с другой стороны уступа.

– О нет, я больше не могу.

Со стоном я опять усаживаюсь на снег.

– Я устала, измучилась, у меня болит нога и замёрзли руки. Эти дурацкие перчатки совсем не греют.

– Что ж ты сразу не сказала?!

Саша садится рядом, стягивает с меня перчатки, снимает свои и нежно согревает мои окоченевшие пальчики своими горячими ладонями и дыханием. Потом отдаёт свои большие тёплые перчатки, спрашивает строго:

– Нога сильно болит?

– Сильно, – жалобно обманываю я.

– Тогда держи.

Он торжественно вручает мне мои белые стильные, но никчемные перчатки и, легко подхватив меня на руки, отправляется в обратный путь. «Где-то совсем недавно это уже было. Только поза была неудобной и снега совсем не было». Саша шагает точно по своим следам, но теперь проваливается в снег гораздо глубже.

– Я очень тяжёлая? – спрашиваю я.

– Напрасно ты считаешь себя тяжёлым случаем, – смеётся Саша, – на самом деле ты только скользкий тип.

– Это ещё почему?!

– Твой комбинезон так и выскальзывает из рук. А так я согласен нести тебя на край света.

Я хочу чмокнуть его в щёку, но Саша подставляет губы. Королевский поцелуй такая прелесть!

– Эй, вот они! – раздаётся весёлый крик так не вовремя.

– Мы их ищем, волнуемся...

– А они отбежали подальше и давай целоваться!

Возле нашего брошенного парашюта стоят и хохочут над нами трое мужчин в ярких лыжных костюмах. Нас нашли!

Глава девятнадцатая БЕЛЫЙ СНЕГ

«Почему в жизни всё так прозаично? Так не вовремя?» Я горько жалею, о том, что наше уединение резко заканчивается, а я только начинаю любить экстремальный туризм. Я на полном серьёзе жалею, что нас нашли и беспокоиться больше не о чем. Саша несёт меня к людям и усаживает на кучу сложенных парашютов. Я пользуюсь случаем, чтобы осмотреться там, где мы должны были приземлиться. Заснеженный склон горы спускается вниз ровным пологим покрывалом. Он прямо-таки манит скатиться по нему в долину. Эта сторона горы вся залита солнцем, выглядит торжественно и празднично. Голубое небо над головой не посеннему ярко. Вокруг меня человек десять весёлых энергичных людей болтают, улыбаются, смеются – мужчины, женщины. Я внимательно разглядываю их, пытаюсь определить, кто же из них Сашин отец. Все выглядят такими молодыми и беззаботными, что я теряюсь в догадках. Никто даже не похож на ожидаемый мною образ солидного пожилого богача с изрядным животиком. Пока Александр не подходит ко мне с высоким сухощавым мужчиной лет сорока пяти. Он внимательно меня изучает абсолютно чёрными, как и у Саши, глазами, улыбается белозубо.

– Здравствуйте, Лиза.

– Добрый день, – улыбаюсь в ответ я.

– Папа, это Лиза. Лиза, это мой папа – Владимир Петрович, – официально представляет нас друг другу Александр.

– Значит, вы та самая девушка из невероятных снов. А ты говорил, она очень худенькая, – обращается он к сыну.

Саша молчит, и отец объясняет:

– Он мне все уши прожужжал рассказами про вас. Мне кажется, я вас давно уже знаю. Признайтесь, это вам он подарил своего облезлого заморыша?

Голос у него низкий, мягкий. Слово «заморыш» отозвалось в груди странным волнением. Я кивнула.

– Да.

– Нашёл, что подарить девушке, – худое лопухое чудовище!

– Пальма уже не худая.

– Так заморыша зовут Пальма?! – смеётся Сашин отец. – Не понимаю я вашей любви к экзотике! По мне так кот должен быть толстый серый и пушистый.

– Точно как наш Васька! – вступает в разговор Саша.

– А разве есть звери лучше?! – смеётся его отец. – Александр обязательно должен показать вам Ваську!

– Представляю себе, как он будет торжественно нас знакомить, – веселюсь я.

– Шутки, шутками, – становится серьёзным Владимир Петрович, – а мы все здесь не для того, чтобы болтать, а чтоб кататься на лыжах. Лиза, вам нравятся горные лыжи?

– Не знаю, я ещё не пробовала, – признаюсь я.

– Александр в своём амплуа, – хмурит брови его отец, – притащил вас сюда, не успев подумать. Я понимаю, опять хотел удивить экзотикой, а тут ещё высокогорье, трасса сложная, не для начинающих.

– Я помогу, научу, – спешит пообещать Саша.

– Куда ты денешься, – серьёзно замечает его отец, – это единственный способ спуститься отсюда.

– Боже мой, – горестно вздыхаю я.

Ко мне возвращается панический ужас. Жаль всё-таки, что это происходит наяву, а не во сне. Там всё так легко, или...

– Лиза, какой у вас размер обуви? – неожиданно спрашивает Владимир Петрович.

– Тридцать седьмой.

– Вот и замечательно. Вам повезло, у нас есть как раз подходящие ботинки. Галочка не приехала, хорошо, что у вас одинаковые размеры.

– А как же твоя нога? – напоминает мне Саша.

Приходится честно признаться, что боль уже давным-давно прошла. И я абсолютно готова к новым подвигам.

Впервые в жизни надеваю удивительные огромные горнолыжные ботинки. Слава богу, что в них не пришлось прыгать с парашютом. На редкость неудобная обувь. Конечно, это оправданно с точки зрения безопасности спуска, но для всего остального они кажутся мне комфортными как «испанский сапожок».

Лыжи пристёгнуты, и вот настает момент истины. Больше я не вижу окружающие пейзажи, смотрю только вниз и вперёд, перед глазами только снег и лыжи. Саша старательно и терпеливо, снова и снова объясняет и показывает мне, как следует двигаться на горнолыжной трассе.

– Смотри, ставишь ноги вот так, не скрещивая лыжи. Упадешь.

– Они сами скрещиваются!

– Держи, старайся. Ноги согни. Палки подними, держи параллельно земле. Так, сначала двигайся вправо, теперь резко поворачивай налево.

– Не могу!

Вместо красивого поворота, я совершаю странный маневр и плюхаюсь боком в снег. Лыжи отстёгиваются, я сижу и чувствую себя довольно глупо. Александр помогает мне подняться, начинает инструктаж с самого начала. Я слушаю, смотрю с широко раскрытыми глазами, но ничего, ничего не могу повторить благополучно. Валяюсь в снегу больше, чем

двигаюсь. Зато я постигаю самое главное: учусь падать. Раз, два, три... Что ж, это тоже способ спуститься с горы. Жаль, но мой инструктор его не приемлет. Снова и снова терпеливо ставит меня на ноги, поправляет лыжи, повторяет:

– У тебя получится!

Я очень сомневаюсь в его правоте, но покорно пробую снова и снова. К моему немалому удивлению, расстояние от падения до падения постепенно становится всё больше. Я даже начинаю испытывать что-то похожее на удовольствие от скольжения.

«Получается!» – успеваю подумать я.

И тут же лечу лицом в сугроб. Вспышкой молнии сверкает мысль, что лыжи сломаны и нос разбит. Саша сразу ставит меня на ноги.

– Что случилось? Ты цела? Что разбила? Где болит?

– Без понятия, – честно отвечаю я, – лыжи сломаны точно.

– Да бог с ними, с лыжами! У тебя кровь.

Ко мне медленно возвращается здравомыслие. Строго оцениваю своё состояние и прихожу к очень утешительным выводам:

– Ничего не болит. Или это шок, или я ничего не разбила, только прикусила губу.

По требованию Александра минут пять я прижимаю к лицу холодный комок снега, останавливаю кровь. Саша копается в сугробе, в изумлении извлекает оттуда пару моих невредимых лыж.

– Да ты талант! Так рухнуть безо всяких последствий надо уметь, – удивлённо замечает Александр. – Двигаться можешь? Поедешь дальше?

– Обязательно!

Меня охватывает азарт. Я уже сама горячо жажду надеть лыжи и двигаться вниз. Всё! Я попалась, я увлеклась горными лыжами. Наверняка, со стороны я ещё выгляжу крайне неуклюже, но стремительное скольжение по белому склону доставляет мне огромное удовольствие. Широко счастливо улыбаюсь, даже когда плюхаюсь в снег. Ура! Я поняла, в чём прелесть горных лыж. Я даже не проверяю, есть ли кто-то рядом со мной, не боюсь оказаться далеко от Саши.

Итак, я уверенно двигаюсь по довольно сложной трассе. Порой дух захватывает, но остановится уже немислимо. Однако добравшись до ровной поверхности, почти лишённой снега, где ожидают нас остальные, я чувствую себя смертельно усталой. Ноги дрожат и подгибаются. Совсем без сил опускаюсь прямо на землю там, где остановилась. Мне жарко, хочется пить, а разговаривать совсем не хочется.

Саша, оказывается, спустился раньше меня, подходит покрасневшийся, запыхавшийся.

– Понравилось?! Ещё хочешь?

Я в изнеможении отрицательно качаю головой.

– Не могу, не буду!

– Вот и правильно. Подъёмник ещё не построили, а топтать в гору удовольствие на любителя, – насмешливо говорит Саша. – Наверное, ты замёрзла, пошли греться.

Я поднимаю голову, озираюсь по сторонам. Отовсюду к горнолыжной трассе подступают высокие мрачные ели, сосны, кедры. Всё хвойное великолепие дремучей тайги. Даже под ярком солнцем лес поднимается чёрной стеной – высоченной, могучей, непостижимой. Не видно ни дороги, ни просвета. Только многочисленные следы ведут от лыжни в сторону.

– Я что, спустилась самая последняя?

– Конечно, все уже давно нас ждут. Пошли скорей.

Отстёгиваю лыжи, Саша несёт их вместе со своими, а я всё недоумеваю, как можно спокойно ходить по ровной поверхности в горнолыжных ботинках. Это же так неудобно!

– А где теперь моя обувь? – не выдерживаю я.

– Уже на месте. Иван Семёныч обо всём позаботился. Пока ты валялась в сугробах, он успел всё спустить с горы: и парашюты, и обувь. На подобных мероприятиях он всегда отвечает за разные бытовые хитрости. Я обязательно тебя познакомлю с этим волшебником.

– Куда мы идём? – наивно спрашиваю я.

– Вон туда, – указывает Саша рукой вперёд.

К своему немалому удивлению, среди мощных стволов я вижу маленькую почерневшую от времени бревенчатую избушку, вросшую в землю. Над её высокой железной трубой вьётся лёгкий дымок.

– Неужели здесь кто-то живет?! – восклицаю я.

– Конечно, нет – это охотничий домик. Обычно он пустует, только время от времени сюда заглядывают геологи, охотники или туристы. По традиции, каждый оставляет здесь запас дров и еды. Говорят, этот приют спас от голодной смерти уже не одного незадачливого заблудившегося туриста. В домике даже рация есть, времён второй мировой. Теперь он и нас приютит.

– А мне уже стало казаться, что эти места совсем дикие.

– Ещё какие дикие! – смеётся Александр.

Дверь в охотничий домик очень низкая.

– Береги голову, – предупреждает Саша.

Наклоняюсь, вхожу внутрь. Полумрак, сильный запах сырости, какой бывает только в старых заброшенных деревянных домах, зато тепло и уютно. Присматриваюсь: в углу железная буржуйка, рядом с ней куча сухих полешек, длинный стол, широкие лавки вдоль стен, полка. Тусклый свет пробивается через пыльные стёкла всего двух маленьких окошек. Дом полон людей. Здесь даже тесно. Все, кого я видела на горе, набились в крохотное помещение, наполнили его смехом и радостью. Я тоже невольно начинаю улыбаться, пристраиваюсь у стола на колченогий табурет, разглядываю

окружающих. Возле печи колдуют сразу трое, мешают друг другу, хохочут. Там весело кипит закопчённый помятый чайник, в большом котелке варится ещё что-то. Сашин отец командует:

– Так, Иван с Димычем отправляйтесь за водой к ручью. Одного чайника нам маловато. Кто-нибудь взял с собой заварку?

– Надеюсь, цейлонский чай всех устроит? – звонко спрашивает розовощёкая блондинка.

Ей отвечают дружным одобрением. Полная кудрявая лыжница заглядывает в котелок и сообщает:

– Каша уже готова!

– Кто видел ложки?!

– У меня есть целых пять штук!

– У меня ещё две.

– Но нас гораздо больше! Придётся передавать котелок вместе с ложками.

Никогда в жизни не пробовала ничего вкуснее этой горячей гречки с тушёнкой. То ли на свежем воздухе всё вкуснее, то ли я страшно голодная, то ли дело в том, что у нас с Сашей одна ложка на двоих. Так или иначе, дежурное туристическое блюдо оказывается божественным. Не я одна его оцениваю так высоко. В домике, полном голодных людей, не слышны ни разговоры, ни смех, только жадное чавканье и звон ложек.

– Хорошо, но мало! – решительно произносит смешной толстяк в чёрном лыжном костюме как раз в тот момент, когда я доедаю последнюю ложечку «пищи богов».

– Можно сварить ещё гречки, – говорит блондинка.

– Просто гречка не интересно! – замечает кто-то. – Нужна тушёнка.

– Федь, посмотри: там, на полке, больше не осталось?

Все взгляды устремляются к большой грубо сколоченной полке, висящей на стене. Там один бог знает с каких времён хранятся пыльные консервные банки, свечи, какие-то бутылки и старинный заржавевший будильник. Долговязый Федя старательно роется среди этих богатств и провозглашает радостно:

– Есть банка тушёнки, и даже не одна.

– А если она испорчена? Мы же не знаем что внутри, – опасается блондинка.

– Я точно знаю! – заверяет её Сашин отец. – Пару банок тушёнки мы оставляли здесь, когда были прошлый раз.

– И когда это было? – недоверчиво осведомляется Федя.

– В прошлом году.

Федя громко свистит, но тут же спохватывается и рассуждает вслух:

– Вообще-то тушёнку для того и придумали, чтоб хранить годами. Решено, ещё раз варим гречку!

Никогда не думала, что я тоже примитивно организованная зверюшка. Вместе с сытостью мною овладевает благостное спокойствие и сонливость. В радостном умилении я смотрю в оконце. За пыльным стеклом медленно опускаются на землю крупные тяжёлые хлопья снега.

– Первый снег, – кричу я счастливо.

В ответ со всех сторон раздаётся смех, и я понимаю, что он первый в этом году только для меня. А в этих прекрасных местах прошёл не один десяток снегопадов.

– Зря смеётесь, – всё-таки обижаюсь я, – вам хорошо, а я постоянно торчу в городе. И ничегошеньки не вижу и не знаю.

– Теперь ты тоже кое-что видела, – ободряет меня толстяк.

– Только интересно, когда мы все окажемся в городе? – капризно ммурится блондинка. – Когда будет машина?

– Сейчас выясним, – энергично заявляет Владимир Петрович.

– А как он узнает? – тихонько спрашиваю я у Саши.

– Спросит по рации.

– По старой военной?! – удивляюсь я.

– Нет, – смеётся Саша, – у нас есть штука гораздо современнее.

Чудеса техники, однако, отказываются работать внутри тёплой избушки. И Сашиному отцу приходится покинуть приют и отправиться искать пропавшую связь на улице. Он долго не возвращается, мы уже и стали забывать, зачем он ушёл, веселимся и балагурим. Он появляется на пороге весь белый от снега, громко хлопает дверью, сообщает мрачно:

– Всё, ребята, застряли мы здесь!

– Как это?!

– Почему?!

– Всё очень просто, – объясняет Владимир Петрович, стряхивая с себя быстро тающий снег, – мост сломан, а погода не лётная.

– Это очень плохо? – шёпотом спрашиваю я у Саши.

– Да, как тебе сказать, – также шёпотом отвечает он мне, – сама суди, нет моста – машина за нами не придёт; вертолёт тоже не прилетит.

– Мы будем ночевать здесь?! – ужасаюсь я.

– Похоже на то, – пожимает плечами Саша.

– Но здесь ведь даже лечь не на что! Нас слишком много! – громко возмущаюсь я.

– Значит, спать не будем! – отвечает мне Владимир Петрович. – Ночь штука не такая уж длинная. Найдём, чем заняться.

– Будем по очереди рассказывать истории, – весело предлагает блондинка. – Чур, Кузьмич – первый. У него так интересно выходит.

– Это не моя заслуга, – скромно произносит хриплоголосый громила.

– Всё само собой получается, после аварии мне такие сны снятся, что и сочинять ничего не надо! Я только придал им более-менее литературный

вид. Так долго возился, что запомнил почти слово в слово. Я не писатель, наверняка, плохо вышло.

– Ладно, ладно, Кузьмич, не прибедняйся. Начинай рассказывать, – требует сразу несколько голосов.

Глава двадцатая ПЛАЩ ТАМПЛИЕРА, ИЛИ РАССКАЗ КУЗМИЧА

Франция. Марсель. 1306 год.

«Огонь. Какая страшная сила прячется в его ярких лепестках. Мы, люди, наивно полагаем, что приручили его. Ласковое пламя греет нас в зимнюю стужу, готовит пищу, сушит промокшую одежду, гонит прочь сумрак ночи. Но стоит огненной мощи вырваться на свободу, и мы ничего не можем поделать с необузданностью пожара. Он жадно поглощает всё: дворцы и хижины, леса и поля, животных и людей... Ещё неизвестно, кто из нас хозяин...»

Размышления присевшего у камина рыцаря-тамплиера прервало появление молоденькой дочки хозяина таверны. Высокий широкоплечий мужчина неохотно обернулся на её весёлый голосок:

– Я принесла вам свежего молока.

– Отлично, – нелюбезно буркнул рыцарь и плотнее завернулся в свой шерстяной белый плащ, украшенный большим чёрным крестом. – Только устав запрещает нам пить что-либо, кроме ключевой воды.

– Какой строгий устав у вашего ордена тамплиеров! – сокрушённо покачала головой девушка. – А мне так хотелось сделать для вас что-нибудь приятное.

– Ничего не нужно.

Мужчина снова равнодушно отвернулся к огню и погрузился в свои мысли.

– Ваш орден запрещает даже смотреть на своего собеседника?! – надула губки девушка.

Мрачный гость посмотрел на неё внимательнее. Пухленькая смешливая девушка лет восемнадцати с двумя длинными золотистыми косами не могла ему не понравиться, но он не подал виду. Тамплиер сохранил на лице невозмутимую мрачность. Но она подметила, что гордый рыцарь лет двадцати семи внимательно разглядывал её, и смутилась. Он-то ей сразу понравился: русые волосы, крупные благородные черты лица, светлые галльские глаза. Девушка и сама гордилась своими смелыми светловолосыми предками, любила слушать легенды о всемогущих друидах и непобедимых воинах. Новый постоялец напомнил ей героя таких легенд. Невнимание с его стороны она просто не могла вынести и возмутилась:

– Как вы только умудряетесь общаться с людьми, если устав запрещает вам даже улыбаться! Вас, наверное, отовсюду гонят.

– Не успевают, – невозмутимо парировал тамплиер. – По распоряжению месира¹ Жака де Моле², рядовым членам ордена запрещено оставаться на одном месте дольше суток.

– Очень интересно, – сморщила носик девушка, – и как же вы знакомитесь с людьми и ведёте денежные дела?

– Тамплиеры дают обет бедности и безбрачия.

– Совсем, совсем?! – погрузнела девушка. – Сейчас принесу вам ключевой воды, если больше ничего не хотите.

Рыцарь равнодушно кивнул и снова повернулся к огню. А дочка хозяина, подхватив кувшин с молоком, опрометью выбежала из комнаты.

Встретив на кухне свою старую тётку, колдовавшую над жарким, она не могла сдержать возмущения и эмоционально пожаловалась:

– Ну ничего-то ему нельзя! Непробиваемый какой-то! Неужели совсем незаметно, что я хочу поболтать?!

– Глупая ты ещё, – мягко пожурила её дородная тетушка, – на то они и рыцари храма Соломонова, чтоб девиц не замечать.

– Терпеть не могу таких рыцарей! – воскликнула девушка и даже с досады пролила на каменные плиты пола воду из большой миски.

– Вот и не люби на здоровье, – устало вздохнула кухарка, – только воду не проливай. Кто за тебя всё убирать будет?!

– Сама уберу! – поспешно бросила девушка.

Но вместо того, чтобы помочь своей тётке, она схватила со стола кувшин с чистой водой и побежала обратно в комнату нового постояльца.

– А я вам воды принесла, только... – объявила она, как только открыла дверь.

Мрачный рыцарь по-прежнему сидел у камина, глядя на пламя. На возвращение дочери трактирщика он не обратил ни малейшего внимания. Она даже забыла, что ещё ему хотела сказать. Громко опустила кувшин на стол, даже вода расплескалась.

– Вот ваша ключевая вода, может, хотите что-то ещё? – громко спросила она.

Рыцарь быстро обернулся, глянул на неё очень внимательно. Заметил покрасневшие щеки и обиженное выражение красивого личика.

– Простите, я совсем не хотел вас обидеть. Но правила нашего ордена действительно очень строгие.

– Слишком строгие, – буркнула девушка.

– Мне никогда так не казалось... раньше...

– Что же изменилось теперь? – лукаво спросила она.

¹Мессир – (от фр. «монсеньер» – «мой господин») – форма обращения к лицу благородного происхождения, более высокому по титулу или чину.

²Жак де Моле – последний глава ордена тамплиеров, великий магистр, правил с 1295 по 1307 год. Прославился своими жесткими требованиями, неукоснительного соблюдения орденского устава.

– Вроде бы ничего, но... сегодня я почувствовал себя особенно одиноким. Тамплиеры, конечно, орден монашеский, но мы совсем одичали от запретов и правил.

– Неужели вы заметили?! – девушка изобразила нарочитое удивление.

Оба не знали, что ещё сказать, но ей вовсе не хотелось уходить, а рыцарь искал предлог, чтоб её задержать:

– Может быть... я завтра отправляюсь в дальнее плавание... не знаю, вернусь ли... Не могли бы вы, рассказать мне немного о марсельской жизни.

– Охотно, – быстро согласилась дочь хозяина таверны. – Только я не знаю, что именно вам рассказать.

Она явно обрадовалась, что рыцарю, наконец, удалось подобрать слова.

– И всё же вы совсем позабыли правила этикета, – мягко упрекнула она.

– Да, да, – улыбнулся рыцарь, – кажется, я понял, о чём вы говорите. Перво-наперво мне следовало представиться, моё имя Гуго Суаро.

– Николь – присела в реверансе девушка.

– Красивое у вас имя.

– Честно говоря, мне оно никогда не нравилось, – призналась Николь, – по-моему оно слишком короткое и некрасивое.

– Вам бы больше понравилось торжественное – Николетта?

– Может быть, – мило улыбнулась девушка, – даже не знаю, какое имя мне бы сразу понравилось.

– Всё же французские женщины слишком привередливы, – с улыбкой заметил рыцарь. – Если бы все вы знали, как ужасно звучат имена многих африканских красавиц и красавцев: Аменхотеп, Эхнатон, Мумбаса...

Девушка звонко смеялась над странными незнакомыми словами. Рыцарь не сводил с неё глаз, вспоминал, а то и придумывал всевозможные невероятно звучащие наименования, только бы продлить минуты безмятежного общения. Она хохотала до слёз, тёрла глаза кулачками, спросила:

– Неужели вы знакомы со всеми этими странными личностями?

– О, нет, я не так стар. Большинство этих людей уже давно умерли.

– Какая жалость, – веселилась Николь. – Уж я бы с ними поговорила!

– Поговорите лучше со мной, – попросил рыцарь.

Она потупилась, смущённая его вниманием.

– Меня маменька заругает, что долго разговариваю с незнакомым мужчиной.

– Не заругает, я же монах, хотя бы наполовину.

– Тогда оставайтесь наедине с вашей второй половиной! – лукаво воскликнула девушка.

– Я готов на время забыть, что тамплиеры не только монахи, но и рыцари. В самом деле, меч мне сейчас ни к чему.

– Только не впадайте в нравоучительный тон, как наш падре Андриан. На его проповедях всегда хочется зевать и отвлекаться.

– Не беспокойтесь, мне очень дорого ваше внимание. О чём вы желали бы поговорить?

– Тамплиеры всегда в дороге. Вы наверняка побывали во многих удивительных местах, вот и расскажите мне что-нибудь этакое про дальние страны. Я сама никогда не бывала дальше нашей рыночной площади.

Рыцарь охотно согласился, помолчал мгновение и стал интересно, ярко рассказывать обо всём, что довелось ему увидеть за время своих путешествий. Девушка ахала и поражалась, её одинаково впечатляли и подробности жизни дальних заморских стран, и то, что происходило в других местах французского королевства:

– Неужели так бывает?! – поражалась она. – Не может быть, чтобы женщины никогда не открывали лицо. А верблюдов вы сами видели?

– Мне даже довелось ездить на этих чудовищах. Они гораздо крупнее любой лошади.

– Это, наверное, очень страшно?!

– Нет, что вы, эти животные ленивы и неторопливы, ездить на верблюде удобнее, чем на лошади.

Девушку так увлекли невероятные истории тамплиера, что она слушала его, затаив дыхание. Глаза её сверкали, на щеках выступил румянец. Позабыв о приличиях, Николь подсела к рассказчику совсем близко, ловила каждое его слово. Рыцарь наслаждался сказочными минутами, наблюдая за ней, торопился рассказать обо всём, что ему довелось испытать.

Время шло быстро. Башенные часы на ратуше величественно пробили полночь.

– Уже так поздно! – испугалась Николь.

– Мы слишком увлеклись.

– Боже мой, если кто узнает...

– Я готов вызвать на поединок любого, кто усомнится в невинности этого вечера! – запальчиво сказал Гуго.

– Лучше до этого не доводить, – беспокоилась девушка.

– Не волнуйтесь, на рассвете я уже покину Марсель. Наше плавание обещает быть долгим и опасным. Вполне возможно, мне никогда не суждено снова попасть в этот город.

– И всё же я буду ждать, – прошептала Николь.

Долгие месяцы тянулись для Николь особенно медленно. Много раз она говорила себе, что не должна даже думать о заезде рыцаря, что между ними стеной встали не только расстояния, но и обеты, данные им при вступлении в орден тамплиеров. Но сердце не хотело внимать разумным доводам. Снова и снова девушка вспоминала их короткую встречу, мягкий голос и внимательные глаза рыцаря.

...А в это время, скучая в маленькой душевной каюте корабля, Гуго в который уже раз перебирал в памяти свои драгоценные сокровища: каждый взгляд, каждую улыбку оставшейся в далёком Марселе Николь. Он призывал на помощь всю свою стальную волю для того, чтобы побороть шемящую тоску и желание вернуться в старую таверну, чтобы увидеть её.

Время и повседневные заботы должны были бы притупить чувство, так неожиданно возникшее между ними, но каждый новый день только усиливал его. В конце концов, тамплиеру удалось убедить себя, что он хочет увидеть девушку лишь для того, чтобы прекратить думать о ней.

Гуго готов был птицей лететь к берегам Франции. Он испытал настоящее счастье, ступив на марсельскую землю. Впервые рыцарь по-настоящему оценил удобства путешествия без лишнего багажа. Едва покинув корабль, он бегом бросился к знакомой таверне. Прохожие с удивлением смотрели вслед так не солидно спешащему обладателю белого плаща. Подобное поведение было вовсе не свойственно гордым рыцарям Соломонова храма.

Пожилой хозяин таверны удивился ничуть не меньше, встретив на своём пороге запыхавшегося Гуго. Он-то и не подозревал о том, что творилось в душе тамплиера.

– Вы снова к нам? – прошамкал старик.

– Да, – выдохнул Гуго. – Я опять хотел бы поселиться у вас в той же комнате.

Ему очень хотелось сразу спросить, где же Николь, не вышла ли она замуж, не болела ли, но тамплиер заставил себя быть сдержанным.

– Пусть ваша дочь принесёт мне кувшин вина.

– Вино у меня плохое, пошло её в лавку за бутылкой хорошего вина.

– Нет, нет, не стоит, – спохватился тамплиер, – с меня хватит и воды, только побыстрей.

– Тем лучше, если шевалье сам отказывается от хорошего вина, то уж вода у нас найдётся. Проводить вас до комнаты, господин?

– Не нужно, дорогу я помню, – ответил рыцарь, не желая, чтобы трактирщик заметил, как он торопится туда, где снова увидит Николь.

Он оказался в знакомой комнатке даже быстрее, чем сам ожидал, пришлось усесться на грубые лавки и ждать. Рыцарь Соломонова храма уже давно научился обуздывать своё нетерпение и спокойно ждать столько, сколько нужно. Но в этот раз обычное спокойствие совсем его покинуло. Он никак не мог справиться с волнением, вскочил на ноги и мерил комнату быстрыми шагами.

– Вот ваша вода, шевалье.

Он устремил взгляд на говорившую женщину. Это была не Николь! Кувшин воды принесла её дородная тётушка.

– А где же девушка, с которой я говорил в прошлый раз? – спросил Гуго, с трудом сдерживая чувства.

– Она занята, готовится к свадьбе.

– К свадьбе?! – выдохнул поражённый рыцарь.

Тётушка посмотрела на него внимательно и сочувственно, словно сразу всё поняла. Ответила, светло улыбнувшись:

– Старшая сестра Николь наконец-то выходит замуж. Она помогает ей с подвенечным платьем.

У Гуго с плеч словно гора свалилась, за последние месяцы он столько раз представлял своё возвращение и так боялся услышать роковые слова о свадьбе, теперь ему даже дышать стало легче. Тётушка Николь видела, как он менялся в лице, сказала мягко:

– Подожди чуть-чуть, пойду позову младшенькую. Там и без неё обойдутся.

Николь вбежала такая счастливая, словно подарок получила. Спихватилась в последний момент, скромно опустила глаза, произнесла заученное:

– Мы рады вас снова видеть в нашей таверне. Как прошла ваша поездка?

– Благодарю, – в тон ей ответил тамплиер, – плавание было благополучным.

– Вы так долго отсутствовали во французском королевстве.

– Я выполнял поручение великого магистра нашего ордена и не могу раскрывать подробности своего путешествия.

– Жаль, – вздохнула Николь. – Мне бы хотелось услышать от вас ещё хотя бы одну историю о дальних странах.

– О, эту вашу просьбу я могу исполнить, не раскрывая орденских тайн, – обрадовался Гуго. – Я охотно продолжу свой рассказ, начатый в прошлую нашу встречу.

Слова рыцаря показали девушке, что и он думал о ней в разлуке, вспоминал их вечерний разговор. Её сердце опять взволновано забилося.

Оба скучали, оба ждали встречи, мечтали о ней в разлуке, но теперь растерянно молчали, не зная, как выразить свою радость, не нарушая приличий. Гуго заговорил первым.

– Ваша сестрица выходит замуж? Надеюсь, её избранник – достойный человек. Он достаточно состоятельный, чтобы обеспечивать свою семью? Это так важно в современном мире, – благоразумно рассуждал тамплиер, но хотелось ему сказать совсем другое. – Я скучал без вас! – не выдержал влюбленный.

Николь вся вспыхнула, взволнованно теребила косичку, произнесла совсем тихо:

– Я тоже...

– Плавание казалось мне бесконечным...

– Ждать на берегу было ещё труднее. Дни тянулись невыносимо медленно... Ещё эта подготовка к свадьбе сестры...

– Я боялся, что вы выйдете замуж раньше, чем я вернусь.

Николь обиженно сузила глазки:

– Замуж?! Значит, если выйду замуж за другого, вы расстроитесь?! Но ведь рыцарям Соломонова храма нельзя жениться! Как же быть с обетом бедности и безбрачия.

– Да, вы правы, – горько вздохнул Гуго, – вступая в орден, я сам сознательно отказался от простых человеческих радостей.

– Я ненавижу ваш орден, – в сердцах крикнула Николь.

– Я и сам... но я не могу... Я поклялся.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Я не знаю, но... Орден тамплиеров стал всем: семьёй, Родиной, смыслом жизни. Я уже долгие годы не представляю своей жизни отдельно от жизни ордена. Рыцари-тамплиеры – мои братья. Каждый день приближал меня к богу. Вся моя жизнь – это служение. Я монах, только монах! – простонал Гуго.

– Бог не может быть так жесток! – воскликнула Николь.

Её сердце переполнилось отчаянием. У девушки не осталось больше сил, она разрыдалась и выбежала из комнаты.

Тамплиер сразу покинул таверну, он ринулся в непроглядную ночь. Ещё перед тем, как отправиться в плавание, он оставлял своего коня у хозяина таверны. И теперь старый боевой товарищ стремительно уносил его прочь от запретного счастья. Ветер хлестал в лицо, и гордый рыцарь не стеснялся слёз, навернувшихся на глаза.

Глава двадцать первая **ПЛАЩ ТАМПЛИЕРА** (продолжение)

Николь казалось, что на землю спустилась вечная тьма. Для неё словно погасло солнце. Девушка не замечала родных, не чувствовала вкуса пищи, позабыла аромат цветов. Ей было легче ожидать рыцаря из дальнего плавания, пусть не зная истинных чувств гордого тамплиера, но утешаясь сладкой надеждой на новую встречу. Последний разговор с Гуго поверг девушку в отчаяние. Рыцарь сделал свой выбор. Он пожертвовал любовью ради верности давно данным клятвам. Когда Николь думала об этом, всё валилось у неё из рук.

– Кто только придумал эти рыцарские ордена с их дурацкими обетами?! – неожиданно громко воскликнула девушка.

Тётка уставилась на неё возмущённо, вытерла руки о передник, упёрла кулаки в бока:

– Что это ты несёшь?! Сама себя послушай! Не гневи Бога! Страшно мне от твоих речей и мыслей!

– Мне самой страшно, – шепнула Николь.

– Да я уж вижу. Чего ещё ты надумала?

– Невезучая я. Другие уж давно замужем, а я всё ждала настоящей любви. И вот влюбилась на свою голову! За что мне это, тётушка?!

Девушка бросилась в объятия своей дородной тётке. Мудрая женщина погладила её по голове, сказала успокаивающе:

– На всё воля божья. Нам не дано знать, что нас ждёт в будущем. Может, ещё всё устроится.

– Да что устроится?! Что может мне помочь?!

– Ну, я не знаю, – пожалала плечами тётушка, – может, король запретит все рыцарские ордена и повелит монахам жениться.

– Ты всё шутишь, – всхлипнула Николь. – А мне не до шуток.

– Не плачь. Подожди, положишься на божью волю.

В ответ на её мудрые слова девушка разрыдалась пуще прежнего. Её громкие жалобные вздохи не остались незамеченными, так секрет Николь стал известен её отцу. Старик только вошёл в комнату, сразу стал возмущаться:

– Жизнь бесконечно жестока ко мне! Это несправедливо, в конце концов! Всем счастливым отцам бог посылает сыновей, а меня наказал шестью дочками! Мало мне было забот, надеялся, хоть сестра родит наследника отцовской фамилии. Так нет! И у неё одни дочки! Ещё и муженёк её схитрил – сбежал на тот свет, оставил на моё попечение всех своих девок!

Его сестра пыталась утихомирить старика, взяла за руку, повторяла примирительно:

– Ну, будет тебе, будет. Дочери в семье не горе, а радость. Смотри, какие красавицы выросли!

– Красавицы, – не унимался старик, – одни хлопоты с этими красавицами! Я девять женихов нашёл, уже девять свадеб сыграл, заботился, чтобы всё было как у людей. Думал, можно отдохнуть на старости лет, одна дочка осталась. Я уж и ей партию приглядел, а она!.. Новая беда на мою голову!

Тётка Николь так и не впечатлилась его горячими жалобами. Ей явно были понятнее горести девушки. Так она и заявила.

– Дурак ты, братец! Радовался бы, что один не остался, что дочки тебя любят, внуков тебе народили целую дюжину. А ты всё жалуешься. Уныние – смертный грех! Гореть тебе в аду!

– Это с вами я в ад попаду, – яростно заспорил старик. – Это ж надо, угораздило её влюбиться в служителя божьего. О чём думаешь, развратница?!

Николь спрятала лицо в ладони, отвернулась в тёмный угол. А тётка опять подбоченилась, двинулась грудью на брата защищать любимую племянницу.

– Любовь – не грех! А разврат ты здесь сам выдумал! Лучше бы помог бедной девочке!

– Не знаю я, чем тут помочь, – буркнул отец сконфуженно. – Пусть идёт к падре Жозефу, кается во всём, может, святой отец чего и посоветует. У него на всё ответы найдутся.

Отец Жозеф раньше служил в марсельском кафедральном соборе на центральной городской площади, но сам отказался от тёплого места и теперь проводил все дни в маленькой полутёмной церквушке возле самого порта. Его прихожанами здесь были не нарядные и благополучные сеньоры, а торговцы, рыбаки, безутешные вдовы невернувшихся моряков.

– Я им нужнее, – объяснял свой поступок падре Жозеф.

Николь вошла в церковь тихая, грустная, вопреки своему жизнерадостному возрасту. Падре Жозеф поправлял свечи возле статуи

девы Марии, девушка подошла, долго молча молилась, не поднимая заплаканных глаз.

– Что случилось, дитя моё? – сразу обратился к ней внимательный священник.

– Я пришла исповедаться и просить вас о совете, – тихонько откликнулась Николь.

– Всегда рад помочь, чем могу. Но в чём же твой грех?

– Ах, падре, я и сама не знаю.

– Как это? – искренне удивился священник.

– Мне не ведомо, грешно ли любить... слугу господа.

Бедный священник совсем растерялся.

– О ком ты говоришь, дитя мое?

– Ах, он посвятил свою жизнь богу. Он вступил в монашеский орден.

– Так он монах?!

– Он тамплиер...

– Час от часу не легче, – вырвалось у отца Жозефа, – где же ты встретила его?

– В таверне моего отца.

– Но тамплиеры никогда не остаются долго на одном месте. Ты хорошо его знаешь?

– Я видела его всего два раза, – вздохнула девушка.

– И ты говоришь, что уже любишь его?! – усомнился священник.

– Люблю! Я сразу поняла это, как только его увидела. Разлука только укрепила мои чувства.

– А он разделяет твои чувства?

– Да... в нашу последнюю встречу... Но он выбрал не меня, а свой проклятый плащ! – в отчаянии воскликнула Николь.

– Тише, тише, что ты говоришь, девочка, – возмутился падре Жозеф.

– Белый плащ тамплиера – символ его чистой души и стойкой веры в нашего единого бога. Нельзя хулить его! Для рыцарей храма плащ – вещь священная. Тамплиер должен беречь его всю свою жизнь. Рыцаря, неважно при каких обстоятельствах лишившегося своего плаща, с позором изгоняют из ордена.

– И много таких было?

– Точно я знать не могу, тамплиеры очень скрытны. Всех их тайн никто не знает.

– За эту мрачную скрытность их народ и не любит, – недовольно заметила девушка.

– Насколько я успел узнать людей, тайны только добавляют прелести народным сказкам. А тамплиеров не любят за их богатство. Я заметил, что чужой успех и деньги часто вызывают зависть и злобу. И касается это не только простых людей, но и сильных мира сего. Как бы не заплатились тамплиеры за своё нынешнее преуспевание.

– Хоть бы их совсем разогнали! – рассердилась Николь.

– Но в таком случае рядовым рыцарям не поздоровится. Вряд ли твой любимый станет прятаться.

– Так, что же мне делать, падре?

– Молиться, дочь моя. Я только человек и не знаю ответов на многие вопросы. Господь же ведаёт обо всём, и только он может устроить всё наилучшим образом.

Николь вернулась домой грустнее прежнего. Для счастливой молодости так трудно ожидание, так невыносимо тяжело. Особенно когда сам не знаешь, чего ждать и на что надеяться. Дневные заботы помогали девушке отвлечься от горестных мыслей, но когда по южному быстро опускалась тьма, долгие часы она проводила в одиночестве, сидя у камина и задумчиво глядя на затейливый танец языков пламени. Она всё силилась угадать, о чём думал вот так же сидя у огня рыцарь её сердца.

– Здравствуй, любимая.

Николь вздрогнула. Неслышно подошедший сзади Гуго нежно обнял её за плечи.

– Ты ждала меня?

– Я едва не сошла с ума без тебя! Я так скучала!

Девушка торопливо обернулась, прильнула к рыцарю.

– Ты вернулся ко мне?!

– Только на один день.

– Боже мой, опять!

– Я должен был тебя увидеть. Я не могу жить без тебя! Я люблю тебя, Николь!

Он осыпал поцелуями её щёки, шею, руки. Сердце девушки разрывалось от счастья и отчаяния.

Влюблённые болтали всю ночь. Взахлёб говорили о том, какой бесконечно долгой казалась им разлука, о том, что передумали, перечувствовали за эти дни, о делах, которыми безуспешно пытались отвлечься от чувств.

– Я совсем потерял интерес ко всему, что происходит вокруг. Кажется, в ордене что-то происходит, – рассказывал рыцарь. – Или должно произойти. Никто не знает толком, что именно. Но всеми овладели тревожные настроения, беспокойства и странные предчувствия. Старые тамплиеры в один голос твердят о каком-то пророчестве, которое начало сбываться. Молодёжь пытается разузнать побольше, строят самые невероятные предложения. Но мне до всей этой суеты и дела нет!

– Я тоже сама не своя, – кивала девушка. – После свадьбы сестры я осталась последней помощницей у тётушки, но от меня мало пользы. Всю посуду скоро перебыю, такая рассеянная стала, всё из рук валится. То воду пролью, то похлебку пересолю, то задумаюсь и не замечу, как очаг погаснет. Падре Жозеф велел мне больше молиться, а я и от молитвы отвлекаюсь.

– Меня тоже бранят за рассеянность. Сенешаль¹ нашей капеллы² кричит, что мне нельзя доверять серьёзного поручения.

– А что обычно тебе поручают, – полюбопытствовала Николь.

– Это не мои тайны, это секреты ордена тамплиеров.

– Ты мне не доверяешь?! – лукаво сощурилась девушка. – Вряд ли я представляю опасность для целого рыцарского ордена.

– Ты ведь не будешь болтать о моих тайнах с подружками? – улыбнулся Гуго.

– Клянусь молчать, как рыба.

– Всем известно, что тамплиеры сказочно богаты. А любое богатство нужно беречь и охранять, а лучше спрятать хорошенько. Вот великий магистр и придумал хранить всё золото в разных местах, подальше от Франции. Вот рыцари и вывозят его, каждый понемногу. А чтобы нельзя было выследить, куда именно, мы все ездим по стране туда-сюда, как безумные.

– Какой хитрый ваш магистр.

– Потому Жака Моле и выбрали великим магистром, что его мысли никто угадать не может.

– Откуда же ты всё знаешь? – удивилась девушка.

– Кое-что узнал совсем случайно, об остальном догадался.

– Выходит, ты умнее вашего Жака Моле? – улыбнулась Николь.

– Куда мне до него. Говорят, он даже нигде не учился, ни читать, ни писать не умеет, а такого положения достиг.

– Ты тоже хочешь стать великим магистром?

Рыцарь отрицательно покачал головой, стал серьёзным и грустным:

– Раньше, может, и хотел, не помню. Теперь в моей жизни всё по-другому. С тех пор как встретил тебя, я стал совсем другим, я готов даже покинуть орден тамплиеров, но...

– Неужели из вашего ордена никто не влюблялся, не женился, не обзаводился семьёй, детьми?

– Я узнавал, такие случаи бывали, но страшно давно и не у нас, а далеко на востоке, в Палестине. Гораздо чаще тамплиеры живут с женщинами втайне, без брака и детей не признают, но я так не хочу...

– Нам остаётся только уповать на божью помощь, – вздохнула девушка.

Влюблённые замолчали, подавленные безысходностью.

– Давай не будем говорить о грустном! – предложил Гуго. – Не стоит тратить на это драгоценные минуты счастья.

Николь улыбнулась сквозь навернувшиеся слёзы. Их разговор снова стал безмятежным. Влюблённые разошлись только под утро. Уставший с дороги рыцарь сразу уснул тревожным сном. А к Николь сон не шёл.

¹ Сенешаль – чиновник капеллы духовно-рыцарского ордена, ведающий внутренним распорядком её деятельности.

² Капелла – местная организация ордена тамплиеров.

Она решительно выбежала из своей комнаты, на цыпочках, чтоб не скрипнула ни одна половица, прошла по коридору мимо отцовской спальни и выскользнула с хозяйской половины таверны. Через пару мгновений её лёгкие шаги зазвучали возле комнаты постояльцев. Девушка добралась до двери в комнату, в которой остановился тамплиер, прислушалась. Абсолютная тишина успокоила её страхи. Николь толкнула дверь и решила войти в комнату. Там царил непроглядная тьма, только аккуратно сложенный белый тамплиерский плащ светлым пятном выделялся на лавке, да рыжие гаснущие огоньки таинственно перемигивались в камине. Девушка села на колени возле него, стала раздувать угли. Не до конца умершее пламя ярко вспыхнуло вновь. Николь схватила белое полотнище с чёрным крестом и швырнула его в огонь. Плащ сразу вспыхнул.

– Что ты наделала?! – воскликнул проснувшийся от яркого света рыцарь. – Меня же теперь... – грозные интонации неожиданно сменились улыбкой, – выгонят из ордена тамплиеров.

Влюблённые вместе смотрели, как огонь ожесточённо пожирал белую шерстяную ткань. Как она темнела и сжималась в маленький чёрный комочек. Камин стал сильно дымить.

– Какая вонь, – вырвалось у девушки.

Гуго рассмеялся:

– Братья-тамплиеры назвали бы тебя богохульницей.

– Надеюсь, Бог простит меня, – серьёзно сказала Николь. – Но что теперь будет с тобой?

– Я ещё и сам не знаю. Насколько мне известно, худшим наказанием в ордене почитают позор, публичные казни никогда не устраивали. И орденские темницы пустуют. Скорее всего, всё обойдётся. Грозных речей и презрительных взглядов не боюсь. Теперь я ничего не боюсь.

– А я наоборот страшно боюсь всего на свете, – призналась девушка.

– Всё будет хорошо.

Утром они расстались. Никогда морская стихия не страшила девушку так, как незнакомый ей комтур¹ капеллы, к которому отправился лишившийся своего плаща тамплиер Гуго Суаро. Отсутствие вестей превратило недолгое на этот раз ожидание в адскую смесь надежды и отчаяния. Отец и тётка смотрели на Николь с тревогой, но боялись даже спросить, о том, что с ней происходило в эти дни.

Прошёл год. На центральной площади Марселя собирался народ. Из порта спешили моряки, грузчики, с городских улиц сбегались оборванные мальчишки, торопились ремесленники, их подмастерья, шли солидные, нарядные торговцы с женами. Даже знатные сеньоры не хотели опаздывать к началу зрелища, подгоняли коней, покрикивали на прохожих.

Супруги Суаро тоже попали в общий поток, пытались идти в другую сторону, но это было уже невозможно.

¹ Комтур – глава местного отделения (капеллы) ордена тамплиеров.

– Гуго, сделай же что-нибудь! Я не хочу видеть казнь даже издалека!
– возмущалась Николь.

– Теперь уже поздно, – резонно отвечал ей муж. – Я же говорил, что сегодня тебе лучше не выходить из дома.

– Я уже не могу больше сидеть взаперти. Хватит меня ото всего беречь! Я беременная, а не больная.

– Что плохого в том, что я за тебя волнуюсь?!

– Ничего, – уступила женщина.

– Давай хотя бы свернём в боковую улочку, там меньше толкаются.

Супруги попытались выбраться из толпы, но сделать этого вместе им не удалось. Поток любопытных разделил их и властно повлёк к площади. Вскоре Николь, против своей воли, увидела эшафоты, возвышавшиеся над морем человеческих голов. Страшных помостов было сразу два. Над одним громоздилось уродливое дерево виселицы. Из другого торчал голый столб, обложенный связками хвороста. Жуткое действие ещё не началось, бедных приговорённых ещё не привели на площадь. Николь старалась не смотреть в ту сторону, вертела головой, разглядывала стоящих рядом. Ей даже удалось отвлечься от происходившего на площади, пока она внимательно изучала дурацкую зелёную шляпу, украшенную длинным рыжим петушиным пером, на голове стоявшего рядом носатого лудильщика. Толпа плотно прижала Николь к толстой весёлой молочнице, громко обсуждавшей происходившее с соседом, так что Суаро поневоле узнавала все подробности.

– Гляди, гляди, начинают.

– Тот, кого будут вешать, совсем молоденький, а старика сожгут. Интересно, чего такого они натворили?

– Приговор читают. Жалко далеко, не слышно.

– Эй, не шумите вы!

– Не поможет. У судейского голосок слабый, козлийный.

Вокруг толкались, оживлённо переговаривались. На лицах отражались любопытство и даже радость.

«Какие же люди злые!» – подумала Николь.

Она опять попыталась пробраться к боковой улочке, но её так стиснули, что даже дышать стало трудно. Над толпой пронёсся гул то ли ужаса, то ли восторга.

– Гляди, гляди, как задёргался! – крикнула толстуха.

– Сейчас второго подожгут! – в тон ей радовалась соседка.

Николь хотелось зажать уши. Толпа шумела так громко, что и это не помогло бы. Рёв стал оглушительным. Суаро невольно посмотрела на площадь. Над головами собравшихся поднялось огромное рыжее зарево. Над гигантским громко шипящим костром поднимался столп чёрного дыма.

Николь охватил панический ужас. Ей вдруг пришло в голову, что её дорогой Гуго тоже мог оказаться на одном из таких эшафотов. Ведь по

всей Франции уже несколько месяцев на городских площадях казнили рыцарей разгромленного королём Филиппом ордена тамплиеров.¹

Глава двадцать вторая HOME SWEET HOME²

Я слушаю, затаив дыхание. Когда Кузьмич смолкает, я словно резко возвращаюсь в реальность откуда-то издалека.

– А меня тоже хотели сжечь, – едва не выпаливаю я, но вовремя спохватываюсь, что вокруг незнакомые люди и они могут неправильно понять меня.

Какое-то время все сидят молча, словно переваривают. Странно, такие солидные дядьки и тётки, а загрузились над обыкновенной исторической сказочкой. Интересно, о чём они думают?

Сидеть в тесном помещеньице с низким потолком как-то вдруг мне становится невыносимо. Я решительно встаю с надоевшей неудобной лавки и выбираюсь наружу. Даже жаль, что я не курю. Было бы логичное объяснение моему торопливому поступку. А мне просто хочется глубоко с удовольствием подышать холодным горным воздухом. Снег, конечно, не пахнет, но ведь всегда можно унюхать, когда снежинки сыпятся с неба. Удивительно, наша возня с кашей и сказочка Кузьмича заняли почти всю ночь. Приближается рассвет, небо светлеет, и летящие снежные хлопья кажутся тёмным пухом. Ловлю себя на мысли, что домой мне вовсе не хочется.

К моему немалому удивлению, подобное настроение владеет не только мной. Пока я дышу и ловлю снежинки, уверенная, что меня никто не видит, сзади удивительно неслышно подходит Саша, спрашивает тихонько:

– Нравится здесь?

– Угу.

Что-то словарный запас у меня дюже богатый. Надо бы сказать что-нибудь умное, но в голову ничего не приходит.

– Знаешь, а я рад, что мы здесь застряли, – признаётся Саша. – Я вовсе не рассчитывал похитить тебя так надолго. Хорошо, что снегопад позволил нам долго не расставаться.

– Замечательный снегопад.

– Похоже, он уже заканчивается. Намечается прекрасный день с отличной погодой. Вертолёт прилетит...

– Жаль, – вырывается у меня.

¹ В ночь на 12 октября 1307 года по приказу короля Франции Филиппа IV все крепости ордена были сданы провинциальным сержантам. 15 тысяч членов ордена тамплиеров были одновременно арестованы по обвинению в ереси. После нескольких лет допросов и пыток большинство рыцарей были сожжены или повешены. Сказочные богатства ордена король так и не нашёл.

² Дом, милый дом.

В это время к нам присоединяется Сашин отец. Наверное, он слышал наш разговор, но и его скорый прилет вертолѐта, похоже, не радует.

– А хорошо бы задержаться здесь, – произносит он мечтательно. – Эх, забросить бы все дела, будь они неладны.

– Сам же терпеть не может бездельников! – замечает Александр.

– Одно дело – от лени мучиться, и совсем другое – заниматься нелюбимым делом.

– У-у, видно тебя опять потянуло в науку, – смеётся сын.

– Ты прав, потянуло, – соглашается Владимир Петрович. – Зарабатывание денег – такая скука и проза. А в науке сейчас столько интересного.

– Нет, пап, я тебя не понимаю. Что может быть увлекательного в цифрах и формулах. Твоя наука слишком далека от реальности.

– Ну, не скажи. Как раз сейчас на Земле происходят удивительные процессы. Это не совсем мое направление, но тем интереснее его изучить.

– А что на Земле происходит? Всемирное потепление? – осмеливаюсь вставить я, желая произвести впечатление осведомлённого человека.

– Потепление, само собой, но не только, – охотно объясняет мне Сашин отец. – Мне, как физику, более интересным представляется другое. Вот скажите, сколько измерений в нашем мире?

– Три, – уверенно отвечаю я. – Высота, ширина и длина.

– А как же время?

– Это уже слишком сложно, – признаюсь я.

– Но именно со временем сейчас и происходят чудеса.

– Чудеса?! – подхватываю я.

– Александр утверждает, что я слишком далѐк от реальности. Но вот вам пример: рассказ Ивана Кузьмича не показался ли вам странным?!

– Нормальный такой рассказ, литературный, – пожал плечами Саша.

– «Нормальный», – усмехнулся Владимир Петрович. – А откуда, по вашему, он, старый дядька, так хорошо знает переживания молодой девочки?

– Придумал.

– Отнюдь, – улыбается учёный. – Всю эту историю в мельчайших подробностях она рассказала ему сама.

– Как?! Когда?! – вырывается у нас с Сашей одновременно.

– Тѐплым южным вечером за стаканом хорошего красного вина в марсельской таверне, однажды в XIV веке.

– Не может быть! В нашем мире такое невозможно!

– Приятно видеть вашу озадаченность. Фантасты называют этот процесс схлопыванием времѐн. Когда события, далеко отстоящие друг от друга по времени, как бы совмещаются, накладываются. Перемещение по временной шкале больше не требует дополнительных приспособлений, таких, как машины времени. Многие люди, живущие здесь и сейчас, начинают вспоминать, видят во сне или наяву события из совсем других времѐн. Жить сразу там и здесь.

– Ой! – пугаюсь я уже слышанной однажды фразы.

– Человеку, воспитанному европейской цивилизацией, это очень трудно осознать. А вот восточный менталитет традиционно не разделяет сон и явь. В древнекитайских источниках не представляется возможным определить, какие сведения относятся к происшедшему в реальности, а какие описывают сновидения. Понятия реальности вообще европейское материалистическое изобретение...

Тем временем поредевший снегопад прекращается вовсе. На голубом ясном утреннем небе сияет жёлтое солнце и ярко освещает окружающее нас великолепие. Выпавший за ночь снег пушистым украшением лежит на контрастно тёмных еловых ветвях, роскошным ковром покрывает землю.

– Как красиво, – вздыхаю я.

– Да, – поддерживает меня Владимир Петрович, – природа бесконечно щедра, засыпая наш чумазый мир белоснежной чистотой.

– Вот это да! Папа, ты становишься не физиком, а лириком. «Восточный менталитет», «сновидения», «белоснежная чистота».

– Что поделаешь, – смеётся Владимир Петрович, – с кем поведёшься, от того и наберёшься! А я познакомился с востоковедом и любителем фантастики. Прелюбопытнейший человек. Смотрит на мир совсем с другой стороны. Ему кажутся очевидными многие вещи, которые бы мне раньше и в голову не пришли. Однозначно, настала пора мне вернуться в прикладную науку.

– Я слышу об этом уже на протяжении последних пяти лет, – шепчет мне Саша.

– К сожалению, мой сын считает меня слишком нерешительным, – услышав его, замечает Владимир Петрович. – А я бы уже давно вернулся, если бы было куда возвращаться. Учёные до сих пор не могут придти к единому мнению о том, какой из классических наук следует заняться этим феноменом.

– Тебе просто нужно изобрести свою собственную науку, – улыбается Саша.

– Отличная мысль, – соглашается его отец.

Научная дискуссия могла затянуться на неопределённо долгий срок, но мои усталые мозги спасает известие о прилетевшем за нами вертолёте.

До поляны, где приземлилась крылатая машина, надо ещё добраться по свежесвыпавшему снегу, но всех охватывает радостное чувство освобождения и близости к уютному дому. Едва заняв места на узкой скамеечке внутри вертолёта, мы все дружно засыпаем. Я сладко посапываю, примостив голову на Сашином плече. Чувствую себя такой усталой, что абсолютно не помню дорогу до дома. Разумеется, долететь до самой квартиры я никак не могу, значит, умудряюсь сладко спать и в машине.

Более-менее осознано веду себя только переступив порог родной квартиры. Мечтаю, не разлепляя глаз, добраться до кровати и рухнуть на подушку, но...

Разуваюсь, с наслаждением топаю босиком по любимому пушистому ковру и...

– Пальма! Сволочь!

Я наступаю на что-то мокрое и с ужасом вижу, что в самом центре богатый узор нарушает уродливое коричневое пятно! У моей кошки понос! Более того, Пальма, явно устыдившись содеянного, пыталась всё загрести, очень старалась, так что когтями повыдрала длинный ворс.

– Я убью тебя, Пальма! Иди сюда!

Я бы на такое приглашение не откликнулась, но я не кошка! А кошки создания нелогичные. Киса тут же нарисовалась передо мной, как ни в чём не бывало. Она даже вытянула передние лапки и потянулась со всей своей природной грацией. Будь Пальма нормальной лохматой кошкой, я бы, пожалуй, растаяла от умиления. Но этот мешочек с костями не впечатляет меня, чтобы он ни делал. Однако и наказать его было труднее, чем нормального зверя. По идее, мне следовало решительно схватить её за шкурку и безжалостно запереть в туалете. Вместо этого я неожиданно бережно беру её под пузо и опускаю на диван.

– Сиди здесь!

А сама я скачу в ванную за водой и тряпкой, стараясь не наступать на испачканную ногу. Набрав полный таз воды, я пчусь в поисках запропастившийся куда-то половой тряпки, мне под ноги попадает что-то тёплое, я оступаю, слышу душераздирающее «мяу»! И совершив сложнейший кульбит, роняю тазик, поскользываюсь, теряю равновесие и усаживаюсь прицельно в него.

От желания спать не остается и следа. Хорошо хоть обошлось без синяков, но обидно до слез. Сижую, мокну, размышляю, за что теперь хвататься. К моему ужасу дверь в ванной комнате за моей спиной, весело скрипнув, открывается, я поднимаю глаза...

– Мама! Папа! Что вы здесь делаете?!

На лицах родителей – смятение и жалость. Представляю себе, как поразило их увиденное зрелище. Давненько не заставляли они дочь плюхающемся в тазике. Торопливо пытаюсь разрядить обстановку, объяснить свое странное положение:

– Я просто поскользнулась.

– А что с твоим ковром в гостиной? – строго спрашивает мама.

Выбираюсь из таза, обтекаю, оправдываюсь, несу какую-то чушь. Одним словом, резко впадаю в детство. Мама смотрит оценивающе, как всегда слышит за моей болтовней ни о чём мои настоящие проблемы. Она у меня красавица, только последнее время поправилась и постарела совсем чуть-чуть. Зато отец уже поседел и стал похож на былинного героя. Как же я соскучилась!

– О боже, а это что такое?! – в мамином голосе слышится страх и отвращение.

– Это моя кошка, мама, – сразу понимаю я о чём речь.

– Кошка? – переспрашивает она с сомнением. – Это лысое чудовище не может быть кошкой!

– И как ты её назвала? – невозмутимо осведомляется отец.

– Пальма.

– Значит, это все-таки дерево.

– Она очень породистая, – пытаюсь я защитить своего питомца.

– Он тебе очень нравится? – спрашивает отец.

– Кто – он?

– Тот, кто подарил тебе кошку, – сразу понимает его намёк мама. – Ты должна быть по уши влюблена, чтобы оставить у себя эдакое чудовище.

– Я к ней уже привыкла, – говорю я не слишком уверенно.

– Ну ещё бы! – смеется отец. – Ведь она такая милая. Я слышал, сейчас это писк моды – лысые звери. Остается порадоваться, что ты завела кошку, а не крокодила или мадагаскарского таракана.

Я галопом бегу в спальню, переодеваю промокшую одежду. Вернувшись в комнату, внимательно смотрю на серьёзное мамино лицо и спрашиваю прямо:

– Признайся, мам, что-то случилось? Почему вы вдруг решили меня навестить?

Она вздыхает, отводит глаза. Отец посмеивается над её серьёзностью, уходит на кухню, уже оттуда говорит громко:

– Пойду поищу чего-нибудь съестного. Не буду мешать вам обмениваться своими страшными секретами.

Мы садимся на диване рядышком, мама молчит, словно не знает, с чего начать. Потом произносит торопливо и взволнованно, это так на неё не похоже.

– Не знаю, как ты отнесёшься, скорее всего, все это ерунда, глупости. Я раньше никогда не была мнительной.

– Ты о чём? – не понимаю, пытаюсь её поторопить я.

– Правильно отец смеётся, я и сама понимаю, что ехать в такую даль из-за какого-то сна... мы собирались приехать только в следующие выходные, но... я теперь так волнуюсь за тебя.

– У меня всё в порядке. Честное слово, у меня всё прекрасно.

– Вот и хорошо. Главное мы тебя повидали...

– Погоди, мам, про какой сон ты говорила? – встревожено спрашиваю я.

Последнее время это для меня болезненная тема. Я никогда не верила в пророческие сны, но происходящее потихоньку отучает меня легкомысленно относиться к сновидениям.

– Я сама не знаю, откуда такие образы взялись у меня в голове, – объясняет мама. – Приснится же такое. Знаешь, очень похоже на иллюстрации к сказкам братьев Grimm: немецкая деревенька, аккуратные домики, огороды, заборчики, люди одеты как на фольклорном празднике. Вокруг всё словно из детской книжки, только чувство... Я никогда раньше не испытывала такого отчаяния и горя. Проснулась утром вся в слезах. Наяву я гораздо спокойнее...

– Во сне случилось что-то страшное? – решаюсь спросить я.

– Я даже не знаю, что там произошло, только помню как выбежала из дома и бросилась на колени перед каким-то мрачным человеком в рясе. Капюшон у него был низко надвинут на лицо, а я всё силилась заглянуть ему в глаза и повторяла, повторяла: «Отпустите её! Отпустите! Она хорошая! Верните мою девочку!» Монах только оттолкнул меня.

– Мамочка!

Я сама чуть не реву. У неё тоже на глазах слёзы. В это время из кухни появляется отец, смотрит на нас и старается развеселить.

– Неужели вам его так жалко?!

– Кого? – недоумеваю я.

– Бутерброд, который я съел. Я вам ещё сделаю, только не плачьте! Сделай? Можно с сыром или с колбаской.

– Сделай, я ужасно голодная, – вспоминаю я.

– Я наделаю вам дюжину разных бутербродов, а вы включите мне новости.

Я включаю телевизор, прибавляю звук, чтоб на кухне было хорошо слышно, даже пытаюсь сама вникнуть в происходящее на экране. И почему только люди стараются не пропустить выпуски новостей?! Не понимаю! Вслушиваются в политические новости, кивают, делятся выводами, словно на самом деле могут повлиять на политические события.

– В ходе визита в Японию президент Ельцин...

Делят, делят эти Курилы. Даже я в курсе. Встаю, предпринимаю новую попытку привести в порядок ковёр. Тру, тру и ругаю про себя весь белый свет последними словами.

– Сделай лицо попроще, – советует мама.

– Эта гадкая кошка, не кошка, а змея подколотная! Лысая и злая. Уверена, она это всё нарочно!

– Конечно, нарочно, она тебе за что-то мстит. Скорее всего... ей было страшно ночевать одной.

– Откуда ты знаешь, – хмурюсь пристыжено.

А диктор соловьём заливается о проблеме милениума. Будет компьютерный сбой, не будет компьютерного сбоя. Мне бы для начала собственный компьютер, а дальше уж как-нибудь разберусь. Надо же, проснёмся утром опять в нулевом году.

Злободневный сюжет сменяет милейшее сообщение из Берлинского зоопарка о том, что у одной тигрицы родилось сразу десять тигрят. Мамаша сразу отказалась ими заниматься.

– Не удивительно, что сбежала, – замечаю я. – Я бы тоже сбежала от такого количества.

На экране ползают и пищат крохотные пушистые комочки. Лохматые ушки, маленькие розовые ротики, ещё ни капельки не похожи на грозных хищников.

– Какие хорошенькие! – воплю весело. – Вот такие новости я понимаю.

Пальма ревнует, лезет на колени, урчит громко, тыкается носом в ладонь, трётся тёплой щёчкой. Всё-таки она кошка. От резкого звонка телефона пугается, убегает из комнаты. Мама берёт трубку, слушает, улыбаясь, отдает мне.

– Алло, – произношу озадаченно, не представляю, кто бы это мог быть.

– Я тебя не разбудил? – весело спрашивает Саша. – Как самочувствие после гор?

После его вопроса внимательно прислушиваюсь к себе и понимаю, что горные лыжи не прошли даром. Тоскливо, тягуче болит каждая клеточка тела. Что называется, до меня дошло, как же я устала. Но не буду же я рассказывать такие подробности, отвечаю оптимистично:

– Всё в порядке.

– Тогда, может быть, погуляем вечером?

– Ой, только не гулять! Давай тихонько посидим где-нибудь, позвони позже, тогда и договоримся.

– Тебе сейчас неудобно говорить? – деликатно интересуется Александр.

– Ко мне приехали родители, – объясняю я, сама удивившись, чего вдруг застеснялась.

– Хорошо, я позвоню в шесть.

Мы попрощались вполне невинно. Но мама сразу догадалась, с кем я разговаривала:

– Твоя новая любовь? У него приятный голос. Мне почему-то показалось, что на этот раз у тебя всё всерьёз. Я права?

– Да, – выдыхаю взволнованно.

– Нам с отцом уже пора. Тебя повидали, убедились, что у тебя всё в порядке, что все мои страхи полная ерунда. Поедем мы.

– Мама, вы так мало побыли! – расстроено восклицаю я. – Как всё-таки плохо, что мы живём в разных городах!

– Ты сама захотела жить в бабушкиной квартире, неужели самостоятельность надоела? – удивляется папа.

– Надоела, – честно признаюсь я. – Это так трудно.

– Боже мой, наша самостоятельная дочь захотела к маме под крылышко, – смеётся отец. – Всё-таки что-то с этим миром происходит.

Глава двадцать третья ПОД КУПОЛОМ НЕБА

До чего же хорошо побыть маленькой девочкой, маменькиной дочкой! Иногда хорошо. Я весь день напролёт веду себя как несмышлёный ребенок, задаю массу самых пустяковых вопросов:

– Мам, а почему, когда ты готовишь, рис не склеивается?

– Мам, а сколько соли класть в плов?

– Какую ложку, столовую или чайную?

– Мам, как лучше нарезать морковь?

Хорошо, что родители охотно мне подыгрывают, терпеливо отвечают на вопросы, одобрительно гладят по голове. Вообще у меня мудрейшие родители. За весь день так и не спросили, куда делся мой Серёга и почему мы расстались. Прежнего моего сожителя словно и не существовало. Мама с отцом сразу догадались, что я не хочу беречь свои свежие раны. И от этого мне особенно легко и безмятежно с ними.

Я даже пристаю к маме с вечным вопросом: «что мне надеть?», когда собираюсь на свидание. Она терпеливо выслушивает мои капризные жалобы на то, что все мои вещи никуда не годятся, и ловко переводит тему:

– Ты уже решила, куда хочешь пойти?

– Не знаю, что-нибудь придумаем, – отвечаю легкомысленно.

– Главное – избежать банальности и скуки, – советует отец. – Иначе – чем встреча с тобой будет отличаться от свиданий с остальными девицами.

– Какими ещё девицами?! – коршуном взываюсь я.

– А что, у тебя это свидание первое в жизни?

– Нет, конечно.

– Чем он хуже? Или твой Саша вырос в монастыре?

– Прошное свидание он устроил чересчур оригинально, – замечаю я.

– Теперь твоя очередь придумать что-нибудь эдакое.

– Не хочу больше ничего эдакого, – бурчу устало, – хочу тихо-мирно посидеть рядом.

– Как пенсионеры! – смеётся отец. – Хоть газетку хором почитайте, что ли!

Я обиженно надуваюсь, но втайне ломаю голову, что бы такое изобрести не слишком утомительное. Так ничего не изобретя, я, на всякий случай, одеваюсь так, чтобы Александр даже не предложил бы ничего спортивного.

Несмотря на все мои просьбы, родители всё-таки решают уехать. И проведив их, я бегу к назначенному месту встречи. Опаздываю на пятнадцать минут по всем правилам жанра. За вчерашний день город засыпало снегом. Наконец-то он преобразился, превратившись в строгий графический рисунок из грязной размазанной акварели.

Терпения у Саши не хватает, он не дожидается меня, идёт навстречу. Едва обогнув свой дом, я сразу вижу его. У него в руках опять цветы.

– Как здорово! – восклицаю я вместо приветствия.

– Надеюсь, белые розы тебе тоже нравятся.

– Мне все цветы нравятся, – опрометчиво заявляю я.

– И кактусы? – удивляется Александр.

– Только не вздумай подарить мне редкий кактус! – тороплюсь предупредить. – С меня и лысой кошки хватит.

– Она тебе так сильно не нравится? – хмурится Александр.

– Самое трудное уже позади, мы друг друга изучили, и признали вполне сносными, – шучу невесело.

– Ты не поверишь, но Пальма ещё не самый тяжёлый случай!

– Да уж, всегда найдётся какой-нибудь экзотический таракан с ещё более трудным характером. Сегодня утром она просто опозорила меня перед родителями.

Я в двух словах излагаю Саше историю утреннего происшествия с ковром.

– Так что моя заветная мечта о сладком сне после лыж так и не стала реальностью, – подытоживаю я свой гневный рассказ.

– Да, пожалуй, вчера мы переборщили с впечатлениями, – соглашается Саша, – предлагаю сегодня максимально спокойное и задумчивое времяпрепровождение.

– Это какое же? – удивляюсь искренне. – Что ещё ты задумал?

– Ничего страшного, классика жанра. Пойдём в планетарий.

– Предложение необычное, но заманчивое. Я один-единственный раз была в планетарии, кажется, в пятом классе. Он ещё работает?

– Ещё как! Я видел здоровенную рекламу их какой-то новой программы.

– Не представляю, что нового можно придумать про звёзды.

– Весь вечер на арене дрессированная большая медведица и созвездие гончих псов, – смеётся Александр.

– Я слышала, есть ещё созвездие зайцев.

– С неба на нас смотрит целый зоопарк!

– Решено, идём в звёздный зоопарк!

Интересно, сколько ещё оригинальных идей осталось в запасе у Александра. Пока он умудряется устроить в каждую нашу встречу что-нибудь невероятное. С таким человеком не заскучаешь! Вот и сейчас испытываю настоящее удовольствие оттого, что весьма смутно представляю, что меня ждёт.

Планетарий, маленький, обшарпанный, затерян среди современных солидных зданий, не удивительно, что про его существование забывают. Злые настали времена, грубые. Забыли люди про звёздное небо, бегут, спешат, боятся оторвать взгляд от асфальта. А над головой такое великолепие!

В кромешной темноте под высоким куполом планетария кладу голову на плечо Саши, заворожено люблюю звёздной россыпью:

– До чего же красиво!

– Ты только представь, – предлагает Саша, – лет шестьсот назад люди смотрели в небо и видели те же самые звёзды!

И я представила или вспомнила, или увидела.

С мрачного холодного неба взирали на меня крохотные бледные искорки звёзд. Огромная жёлтая почти круглая луна казалась среди них лишней. Я стояла на перевёрнутом горшке возле узкого оконца и старалась найти хоть какое-то утешенье. Очень хотелось жалеть себя и плакать, так хотелось вернуться к маме, уткнуться ей в грудь и пожаловаться, рассказать обо всём, что свалилось на меня в эти дни. Неожиданно мне стало легче. Мне пришло в голову, что там, далеко, дома, мама вот так же смотрит в окно и видит ту же самую жёлтую луну. Мне показалось, что мы не так уж далеко друг от друга. Я даже

вернулась к сундуку, постаралась уютно устроиться и заснуть. Но разбудивший меня холод не давал спать. У меня не попадал зуб на зуб, даже под тёплым плащом. Я задремала только к утру, и, как мне показалось, на меня сразу кто-то начал кричать.

– Вставай, вставай! Шевелись, лентяйка! Ишь, развалилась!

Я открыла глаза и долго не могла понять, что происходит. Надо мной возвышался совершенно незнакомый человек. Он грубо дёргал меня за одежду и тряс.

– Вставай, вставай немедленно! Хозяин хочет тебя видеть!

Я поспешно соскочила с сундука, одёрнула юбку, внимательно уставилась на незнакомца. Даже в крошечной темноте мне удалось рассмотреть, что он, судя по всему, был лакеем барона. Одежда его представляла странное сочетание сильно поношенных, протёртых почти до дыр зелёных штанов и новенькой яркой куртки, украшенной вышитым гербом его господина. Манеры и интонации голоса у слуги были жеманные и неприятные.

– Просыпайся. Господин барон желает тебя видеть. Видеть немедленно! – подчеркнул он.

– Мне нужно привести себя в порядок, – я пыталась потянуть время.

– Мой господин не любит ждать. Он сказал немедленно, значит немедленно.

– Хорошо, пошли!

Странное дело, этим жеманным слугой захотелось командовать даже мне. Раньше меня удивила бы собственная решительность, но сейчас, когда я знала, что мой защитник погиб, мною овладели злость и странное бесстрашие. Лакей быстро повёл меня по тёмным узким коридорам. На крутых ступенях винтовой лестницы я едва не упала, снова наступив на край своей юбки. Пришедший за мной слуга не потрудился даже захватить с собой факел. Ему-то что, он явно отлично знал эти места, вовремя наклонялся и поворачивался, а я то и дело обо что-нибудь стучалась.

– Далеко ещё? – жалобно спросила я, устав бродить в потёмках.

– Почти пришли, – недовольно откликнулся лакей, – ты смотри, веди себя учтиво. Господин барон дерзости не любит.

Когда лакей открыл высокую дубовую дверь и бесцеремонно толкнул меня вперёд, я даже на миг зажмурилась от яркого света. В обеденной зале горело сразу несколько факелов и громадных канделябров, похожих на сияющие деревья. Света добавлял и огромный камин, в котором пылало целое дерево. Барон сидел в одиночестве, во главе длинного обеденного стола, застеленного белоснежными скатертями и заставленного блюдами с яствами. Возле него стояли несколько пустых стульев с очень высокими спинками. Хозяин быстро и неаккуратно ел большие куски мяса прямо руками, хотя рядом на столе лежала модная итальянская вещица – вилка с двумя длинными зубьями. Точно такую же вертел в руках допрашивавший меня монах-доминиканец.

– Чего так долго? – прочавкал он, облизывая жирные пальцы. – Не стоит заставлять меня ждать. Могу и рассердиться!

– Я не боюсь, – смело заявила я и сразу почувствовала, что это не так.

Мои пальцы предательски дрожали, и даже колени подгибались. Но я смело задрала нос и как могла презрительно глянула на барона. Кажется, получилось довольно жалко. Хозяин замка придирчиво меня осмотрел и снова сосредоточился на еде. Он запивал мясо багряно-красным вином из высокого стакана мутного стекла. Тщательно пережёвывал, смаковал каждый кусок. Совсем забыл о моём существовании. Я стояла возле двери, захлебывалась голодной слюной, не могла оторвать глаз от маняще пахнущей пищи, но не решалась напомнить о себе.

Только окончательно наевшись, барон снова посмотрел на меня и хмыкнул презрительно:

– И весь сыр бор из-за тебя?! Стоило ли драться из-за такого заморыша.

Я готова была громко возмутиться, чтобы он не смел называть так же, как мой Ганс. Но сумела благоразумно промолчать, а барон и сам меня переименовал:

– Нет, ты не заморыш, ты доходяга, одежонка и то вдвое тебя шире. Что, не нашлось подходящей?

Я отрицательно мотнула головой, то ли отвечая на его вопрос, то ли требуя, чтобы он совсем отвязался. Барона это рассмешило:

– Кобылка-то с норовом! Откуда только взялась такая?!

Я опять угрюмо промолчала. А хозяин замка и не ждал ответа. Он весело беседовал сам с собой:

– Подумать только, трёх собак покалечил, столько народу побил. Какой яростный защитник у этакого безобразия. Интересно, всё-таки, что же в ней такого? Спросить бы, да не у кого.

Неожиданно он обратился ко мне, поманил пальцем:

– Эй, доходяга, пойди сюда!

Я нехотя подошла, готовая в любое мгновение убежать.

– Тебе, убогой, такие защитники не нужны, а мне по положению необходима достойная стража. Твой бы молодец очень хорошо смотрелся бы в одежде моих цветов, да и вояка он славный! Только я не стал бы его сразу наряжать и оружие в руки давать. Сперва я его накажу образцово, чтоб другим было неповадно портить моих собак и слуг.

Для меня его слова были поводом для робкой надежды.

– Так Ганс жив? – вырвалось у меня совсем тихо.

Барон услышал, сморщился брезгливо:

– Сдох, надеюсь, только мёртвым его никто не видел. Выходит, сбежал зверюга.

Я не удержалась и подпрыгнула от радости, захотелось петь и танцевать. Злой взгляд барона оборвал мой порыв.

– Зря радуешься, я знаю, как его изловить. Вот ты и будешь наживкой. А когда верзила прибежит тебя спасать, мои люди его и схватят. Ну, посидит неделю-другую в подвале, одумается, будет мне служить.

– Не будет, – убеждённо воскликнула я.

Светлые брови барона поползли на лоб.

– Как это не будет?!

Теперь пришла моя очередь выручать из беды своего спутника. Недолго думая, я ляпнула первое, что пришло мне в голову:

– Он сам герцог!

От изумления барон поперхнулся вином и долго откашливался, бил себя кулаком в грудь.

– Повтори! Ну-ка повтори, что ты сейчас сказала.

Мне так понравился эффект, который произвела моя фантазия, что продолжала с огромным удовольствием врать:

– Да, да, он настоящий герцог Ольденбургский. Молодому господину захотелось приключений, вот он переделся простолюдином и отправился путешествовать инкогнито. Боюсь, вам, барон, не избежать больших неприятностей за то, что ваши слуги напали на герцога.

Слушая моё вдохновенное враньё, барон краснел, бледнел, зеленел, хватался за сердце, тяжело дышал. Я ликовала. Мне очень повезло, что барон не был знаком с герцогом Ольденбургским лично. Сама я только много раз слышала о нём, но ни разу не видела его даже издалека.

– А ты тогда кто такая? – зло спорил барон. – Только не ври, что ты тоже принцесса! У меня таких принцесс в свинарнике полно.

– Зачем мне врать, – принялась уверенно рассуждать я, – мне скрывать нечего. Я только служанка его матушки, младшая служанка. Она послала меня вместе с молодым господином, чтобы, вернувшись, я подробно рассказала ей обо всём, что случилось с её сыном во время путешествия. Герцогиня заранее предполагала, что он сам не обо всём захочет ей поведать.

Барон глубоко задумался, почесал затылок, посмотрел на меня сквозь стекло пустого стакана. Вскочил на ноги, воодушевлённый новой пришедшей ему в голову мыслью.

– Просто служанка, говоришь? Почему же тогда господин герцог так защищал тебя от моих слуг?

На мгновение я совсем растерялась, не зная, что теперь говорить. Мне оставалось только молиться, и бог услышал мой немой вопль о помощи. Барон сам придумал объяснение, которое вполне его устроило:

– Впрочем, всё понятно, молодой аристократ не привык, чтобы ему кто-то мешал. При его огромной силе все усилия моих слуг герцога только раззадорили. Конечно, ни один смерд не решился бы оттолкнуть меня. Сразу видна привычка повелевать.

Мне осталось только согласно кивать и сделать вид, что барон всё правильно угадал. Барон сам придумал теорию и сам себя убеждал в её правоте:

– Разумеется, разумеется! И как я сразу не догадался, ну, какой крестьянин будет вести себя так нагло и самоуверенно?! Просто-напросто, он уверен в собственной полной безнаказанности. А ведь я что-то слышал о крутом нраве герцога Ольденбургского...

Он быстрыми шагами мерил столовую, нервно потирал руки, невнятно говорил сам собой. Барон находил всё новые аргументы в подтверждение моей теории о знатном происхождении Ганса и был так красноречив, что я и сама начинала верить, что так оно и есть на самом деле.

– Как он себя называет? – неожиданно громко обратился ко мне барон.

– Ганс, – выдохнула я чуть слышно.

– Какой странный выбор, а впрочем, это распространённое среди крестьян и слуг имя. А вот я бы ни за что не смог именоваться так примитивно. Правда, простолюдин с именем Георг-Фридрих-Людвиг вызвал бы подозрения. Герцог Ольденбургский поступил очень мудро.

Я наивно полагала, что теперь барон осведомится и моим именем, но слуги его не интересовали. Его вполне устраивала дурацкая кличка:

– Поселите эту доходягу с другими служанками, – распорядился он.

Снова я топала за уже знакомым мне лакеем по тёмным узким коридорам. На улице уже настало утро, и, видимо из экономии, он так и не зажёл ни фонаря, ни свечи, так что серый неверный свет, пробивавшийся через узкие окна бойницы, мало оживлял дорогу.

Помещение для служанок тоже не добавило мне радости. Узкая сумрачная комната с несколькими топчанами мало отличалось от моей прежней тюрьмы. Там очень скоро моё ликование сменилось тоскливым унынием. Мысль о том, что Ганс жив, больше не вызвала бурный восторг, а новые тревоги и заботы повергли в уныние. Я подошла к окну и стала вглядываться в небесную даль – серую и безликую, уже лишившуюся звёзд и по-осеннему бесцветную...

Облака, облака! Мы уже стоим под открытым небом – и когда только мы успели выйти из планетария?! Кажется, я совсем замечталась, или...

Глава двадцать четвертая ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Представляю, какой странный, мягко говоря, у меня вид. Стою, хлопаю глазами, будто только что родилась, и не понимаю, где нахожусь. Но, честно говоря, и у моего спутника вид не лучше. Он тоже сильно напоминает человека, ударенного по голове пыльным мешком. Пытаюсь оживить происходящие. Спрашиваю натянуто весело:

– Ну как, понравились звёзды?

– Кажется, да, – неуверенно отвечает Александр.

– Откуда такие сомнения?

– Это трудно объяснить...

– А ты попробуй, – настаиваю я.

– Тогда пойдём в ближайшее кафе, в двух словах я рассказать не смогу.

Мы молча отправляемся на поиски тихого места. Со стороны мы, наверняка, представляем довольно странное зрелище: парень, девушка, цветы, а на лицах задумчивость древних мудрецов. Идём, молчим, сосредоточились

каждый на своём. Я всё не могу избавиться от своих сомнений, опять приходит в голову подлая мысль о собственной невменяемости. Обратно в психушку страшно не хочется. Но разумного объяснения собственным выпадением из реальности я найти не могу. Интересно, на чём так сосредоточился Саша? Лицо у него крайне мрачное и тревожное.

Наконец нам на пути попадаетея некое подобие кафе. Пара столиков установлена прямо в крохотном магазинчике. Но здесь вполне уютно и тихо. Заказываю себе молочный коктейль, а пить не хочется. Сижу, кручу трубочку, Саша тоже молчит, подбирает слава.

– Мы с тобой знакомы совсем немного времени, мало знаем друг о друге. Я не уверен, сумеешь ли ты меня правильно понять.

«Вот это да! Как целоваться, так всё в порядке, а теперь снова мало знакомы!» – разом закипаю, но пока молчу. Жду объяснений, куда он клонит.

– Честно говоря, я боюсь, что сочтёшь меня ненормальным или, как минимум, очень странным. И будешь права, конечно, но...

Знал бы он мою собственную биографию! Если окажется, что он псих, из нас выйдет чудная парочка.

– Я не смогу тебя понять, пока ты мне не расскажешь хоть что-нибудь, – стараюсь подбодрить Александра.

– Это началось уже довольно давно, – говорит он. – Но с тех пор, как мы с тобой встретились, усилилось и стало очень настойчивым.

– Да что стало? О чём ты говоришь?

– Помнишь, мой отец упомянул что-то о схлопывании времён? У меня такое впечатление, что они хлопнули меня по лбу, – смеётся Саша.

– Отлично сформулировано, теперь я точно знаю, как то, что со мной происходит в последнее время, называется по-научному!

– Как? И с тобой?! – поражается Александр.

– Да, – признаюсь смело, – и меня тоже трудно назвать нормальной. Например, мне кажется, я точно знаю, кем был раньше один очень противный студент. Я регулярно с ним сталкиваюсь, только не могу объяснить где.

– Кто такой?

– Гад с фотоаппаратом. Зовут Игорь, кажется.

– И кем он был?

– Препротивным бароном.

– Каким бароном, – встревожено спрашивает Саша. – Светлые волосы, масляные глазки?

– Вы знакомы?! – поражаюсь до глубины души.

– Не знаю, – смущается Саша, – мало ли на белом свете сероглазых и похотливых...

– По-моему, я встречала не только Игоря, но и... – готова проболтаться я, но что-то меня останавливает. – Ты тоже хотел рассказать, о чём-то необычном.

– Только что, в планетарии, я едва глянул на звёзды и сразу оказался бог весть где. Я тоже смотрел на небо, ночное, бездонное, с огромной

круглой луной, звёздное, но совсем другое. И вообще, сидел я не в удобном кресле, а на корявой ветке дерева – дуба, кажется. Ветка раскачивалась под порывами холодного ветра, я ёжился, держался изо всех сил, чтобы не свалиться. Ещё бы, на земле, у корней дерева, моего падения терпеливо ждал большущий косматый медведь...

– Рассказывай, рассказывай же дальше.

– Я не с того начал, медведь, дерево – всё это только последствия.

– Так начинай с причин, – прошу я.

– Тогда уж надо рассказывать с самого-самого первого раза. Это слишком долго.

– Говори, говори, мне очень интересно!

– Со мной это всё произошло первый раз ещё летом. Я поехал к деду в деревню на Алтай, уговаривать его перебраться к нам в благоустроенное жильё. Машина задымила и встала километров за десять до дедова дома. Пришлось идти пешком, дорога просёлочная, попутку не поймаешь, километра через три нас нагнал мужичок на телеге. Лошадь толстая, сытая; телега новёхонькая, не скрипучая, было бы совсем похоже на видение из прошлого века, если бы не модные джинсы и яркая футболка на молодом вознице. Он вызвался нас подвести, и мы решили, что поездка на его телеге куда лучше вынужденной пешей прогулки. Может быть, я задремал, в ритме шагов лошади, но мне показалось, что наяву я вдруг оказался в дремучем средневековье. И меня везли на телеге к месту казни...

Я с величайшим интересом слушаю подробный пересказ моей собственной истории с побегом, только совсем с другой стороны. Получаю возможность увидеть себя и холодный сарай, и развалины проклятого дома, и стражу у городских ворот, и гостеприимных стариков, и палача глазами Ганса. В жизни не слушала ни одну историю с таким волнением. Александр порой останавливается, боясь, что мне наскучит болтовня про чужие сны. Но я горячо убеждаю его продолжать. Особенно увлекательным повествование становится после того, как слугам барона удастся разделить Ганса и Анхель. Кстати, Александр также фамильярно именуется заморышем.

– Тебе ещё не надоело? – опять спрашивает Саша.

– Рассказывай, рассказывай, – требую я, – в конце тебя ждёт большой сюрприз.

Заинтригованный, он торопится быстрее закончить, но я требую подробностей, и к нему возвращается вдохновение. Глаза горят, рассказывает взахлёб, словно заново переживает все события:

– ...Драка была не шуточная, досталось мне сразу от пяти противников на всю катушку! Но я ведь тебе говорил, что по средневековью я шараялся совсем в другой комплектации. Может, и ростом повыше был. Короче говоря, я врзал по челюсти одному, другому, кому-то, кажется, рёбра поломал. Крушил баронских слуг только так! Удалось мне от них отбиться, даже трофей захватил – отобрал у одного из нападавших нож. Плохой, кривой, но

какое-никакое оружие. Раскидал мужиков, припустил в лес, они даже не пытались догонять, держались за побитые места. Это уж потом я почувал, что меня самого измолотили, будто хлебный сноп. Шагал по лесу без малейшего представления, куда и зачем. Была одна мысль – найти Заморыша. Хотел выйти к дороге, да леший голову заморочил, кружил на одном месте. Жрать хотелось зверски! Решил – поем, сил наберусь, тогда и дорога найдётся. Только какую еду найдёшь в осеннем лесу? Углядел семейство вепрей: громадный кабан, кабаниха и кучка кабанчиков этого года. Так мяса захотелось, хоть вой. Размечтался: поймаю, жарю, полакомлюсь. Снял куртку, притаился в кустах и ринулся на крайнего, набросил куртку, подмял. Кабанчик вырывался, хрюкал, визжал. Я боялся, папаша бросится на помощь, не тут-то было! Вепри унеслись, будто ветром сдуло. Я уж обрадовался, а зря! Невесть откуда взявшись, прямо на меня шёл здоровенный голодный медведь. Тоже решил кабанятиной полакомиться. Куда мне на такого с моим ножиком? Я подранка выпустил, сам бежать. Шустрый кабанчик от мишки убежал, а тот с досады ринулся догонять меня. Кружили мы по лесу, кружили, пока не стемнело. Мне осталось одно – спастись от хищника на дереве. Настала ночь, а медведь всё сидел под деревом. Я надеялся, что ему просто надоест, и он уберётся восвояси, а ему, видно, заняться было нечем, он рычал и драп жуткими когтями ствол дерева, чтоб я не расслаблялся.

Убегать и прятаться, как трусливый заяц, для меня было невыносимо. Но я чувствовал себя таким усталым и избитым, что прекрасно понимал – с медведем мне не справиться. Время шло, звёзды торжественно двигались по небосводу, луна быстро перебралась с одного края неба на другой, а медведь всё не оставлял меня в покое. Сроду не встречал такой бестолковой зверюги. Чего он ждал – пока я свалюсь, будто спелая груша, ему на голову?! Мое терпение таяло с каждым мгновением. Я снова и снова ощупывал чужой, неудобный нож – единственное своё оружие. И уговаривал себя дожидаться рассвета.

Медведь снова громко, хрипло зарычал, пытался потрясти толстое дерево, скалил чудовищные жёлтые зубы. Внизу, в темноте, только и были видны его зубы, когти и красные глаза. Наверное, стоило испугаться, вместо этого я забавлялся тем, что злил мишку ещё больше.

– Эй, ты, чучело!

Я бросил на него какую-то ветку, целил в нос, между глазами и пастью. Судя по отвратительной смеси рева и визга – попал.

– Так тебе! Не шуми, коврик прикаминный!

Зверь хрипел от ярости.

– Не хочешь быть ковриком? – веселился я. – Хорошо, будешь зимней попоной для баронской лошади.

Зверь зашёлся от злости, драп когтями кору моего дуба, даже грыз дерево. Так я и скоротал ночь в весёлой компании. Но с приходом дня, вопреки моим ожиданиям, медведь не только не ушёл, но и не успокоился.

А я-то думал, что хорошо знаком с медвежьими повадками. Косолапый должен быть осенью толстым, ленивым, поедать ягоды, запастись жиром на долгую зиму. А этот, видно, уже знаком со вкусом человечины, ещё захотел. А моё терпение кончилось! Я только представил себя трусливо скукожившимся на ветке, как устыдился, выхватил нож и ринулся вниз. Я рухнул прямо на спину медведю и, недолго думая, всадил свой дурацкий ножик ему в глаз. Зверь подо мной закружился волчком и издох. Вот уж не ожидал я от него такой прыти. Выходит, я нашел новый способ валить медведей или мне просто повезло.

Я слушаю, открыв рот. Самое интересное, что у Саши даже манера говорить изменилась. Я снова ясно вижу перед собою Ганса. Жаль, что в средневековье я не знаю ничего про эту жизнь. А то бы порадовалась ратным победам моего спутника. Хотя всё правильно, средневековье кончилось намного раньше двадцатого века. Александр спохватывается:

– Извини, я слишком хвастаюсь. Не стоило расписывать тебе кровавые подробности.

– Нет, нет, всё в порядке, рассказывай дальше, – требую жадно.

– Да пока собственно это всё.

– Скажи, тебе хоть поесть-то удалось?

– Конечно, нажарил себе медвежатины. Только она слишком сладкая, а соли у меня не было, пришлось посыпать золой. Я был такой голодный, что мне казалось, сожру медведя целиком, но на самом деле наелся от пуза, да ещё с собой прихватил. Теперь твоя очередь, ты обещала мне сюрприз.

– Сейчас, подожди, минутку.

От погружения в атмосферу средневековья у меня самой так разыгрался аппетит, что мне тоже захотелось сожрать целого медведя. Но пока скромно ограничиваюсь заварным пирожным и молочным коктейлем. Жую, собираюсь с духом. Когда я совсем уже готова торжественно произнести своё признание, из подсобки в торговый зал вбегает вусмерть перепуганный взъерошенный человек в широком когда-то белом халате и кричит, словно мы глухие:

– Уходите отсюда! Быстрее, быстрее! У нас проводка горит! Пожар!

– Вот, опять проблемы с электричеством, – улыбается Саша. – А может нам опять только кажется?!

– Всё же нам лучше уйти. Кажется, на этот раз всё происходит на самом деле, – благодарно замечаю я.

В это время весь дверной проём в подсобные помещения заполняет плотный едкий дым. Он вползает в кафе, сизыми клочьями повисает под потолком. От отвратительного запаха начинают слезиться глаза.

– Бежим скорее!

Александр хватает меня за руку, и мы как можно скорее уносим ноги из злополучного кафе. Стремительно вылетаем на улицу, на ходу застёгивая куртки. А там другая напасть: сильный ледяной ветер, снежная крупа и внезапно обрушившийся на город зимний мороз. Я

сразу начинаю стучать зубами от холода. Моя почти летняя курточка совсем не приспособлена для такой погоды. Саша не подаёт виду, но и он одет не по сезону. С порога кафе хорошо видны электронные часы на площади. На них точное время сменяет температура воздуха.

– Минус двадцать семь, – ужасаюсь я.

– Так не бывает, – поражается Саша.

– Последнее время я постоянно сталкиваюсь с тем, чего быть не может.

И вообще, мой мгновенно замерший нос склонен верить термометру.

– Нам остаётся только спастись бегством.

– Скорее в тепло, домой! – весело командую я

Александр ловит машину, я радостно прыгаю в тёплую кабину, уже в дороге замечаю, как плохо в ней дышится. Водитель старенького жигулёнка, впечатлившись неожиданно начавшейся зимой, включил печку на всю катушку и наполняет салон густым тяжёлым ароматом бензина. Меня душит кашель.

Все эти обстоятельства друг за другом наваливаются на меня с такой скоростью, что я забываю буквально обо всём. Даже с Сашей я прощаюсь как-то впопыхах и быстрее, быстрее лечу в свой домашний уют.

Едва переступив порог, окончевшая и скукоженная, я направляюсь в ванную, набираю горячую воду, навожу душистую пену и ныряю в райское удовольствие. Через некоторое время ко мне возвращается способность думать. В большом зеркале на стене я люблюсь своими округлыми плечами, красивыми руками и ногами. Ничего общего с худощавыми бледными мощами бедной Анхен. Теперь я определённо гораздо красивей.

– Нет, не стоит признаваться, что Анхен – это я. Буду молчать до последнего, – решаю я. – А сам-то Ганс сильно помельчал за последние века. Правда, Саша, пожалуй, симпатичней, – лениво рассуждаю я вслух, играю пышной пеной. – Только голос совсем не изменился.

От удовольствия мурчу приятную песенку, плюхаюсь в тепле и комфорте. Пальма смотрит на меня, как на умалишенную. А ещё говорят, что у кошек нет мимики. Может быть, у других нет, но у моей зверюшки мордочка крайне выразительная. Я внимательно присматриваюсь к породистому животному. Последнее время она перестала казаться мне так уж отвратительно лысой. Оказывается, уши моего чудовища покрылись очаровательным пушком. И сфинкс стал сильно напоминать чебурашку.

– Вот станешь через годик толстой лохматой персидской кошкой, – лукаво обращаюсь я к Пальме.

Всем своим хилым существом кошка изображает полное презрение. Ей явно не нравится персидская порода.

Я возвращаюсь к своим размышлениям.

«Надо будет осторожно выспросить у Александра, пока он ничего не знает, как на самом деле Ганс относится к Анхен. И вообще, ужасно интересно, что значит вся эта история? У неё обязательно должен быть какой-то смысл. Ладно бы, я одна вообразила всё это, но ведь целая толпа

народа рассказывает одну и ту же историю с разных концов. Ладно ещё – Светка, но ведь мама, похоже, говорила тоже об этом. А с Сашей нам и вовсе снятся одни и те же сны. Восхитительно, история Анхен вырисовывается во всех подробностях...»

Я добавляю горячей воды в остывшую ванну и продолжаю мечтать вслух:

– Какая-то некрасивая, прозаичная история. Что-то не то я вспоминаю. Надо бы для разнообразия попасть в красивую сказку про принцессу и прекрасного принца. С хорошими манерами, – уточняю я, ярко вспомнив привычки Ганса. – Хочу жить в красивом дворце, носить роскошные платья, сорить деньгами, есть всякие вкусности...

Мои волшебные мечты грубо обрываются на самом интересном месте. Желая убедиться, что добровольно забравшись в воду я всё ещё жива, Пальма осторожно пробирается по бортику ванны. И оступившись задней лапой, срывается в воду. Вопли! Ужас! Агония! С помощью когтей она пытается забраться на мою коленку, так суетится и машет лапами, что я никак не могу её поймать и вытащить из воды. Злая и исцарапанная, я побеждаю и буквально выбрасываю кошку на сложенное большое полотенце. Честно говоря, мокрая Пальма не слишком отличается от сухой. Разве что глаза больше выпучены, да дрожь крупнее.

– Дура! – кричу отчаянно, – куда полезла?! Все когти повидирую!

Разглядываю исцарапанную ногу, радуюсь, что зимой нет нужды носить короткую юбку. Вместо душистого масла обильно мажусь зеленкой.

«Принцесса!» – замечаю злорадно.

От сладкой мечтательности и следа не остается.

Глава двадцать пятая **ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ – ПОНЕДЕЛЬНИК**

Вот только мне кажется, что жизнь налаживается, входит в обычную колею. Только-только события приобретают мелкий будничный масштаб. Я вздыхаю облегчённо, расслабляюсь, не жду новых чудес и странностей, да не тут-то было! (Последнее время эти слова становятся буквально девизом моей жизни).

Поздний вечер не предвещает ничего особенного. Завернувшись в ярко-жёлтый махровый халат, замотав мокрые волосы большим полотенцем, уютно с ногами сижу на диване, бормочет телевизор, мурлычет Пальма... Смотрю на будильник и вижу, как он сходит с ума. Если бы он один. Стрелки на всех часах движутся в обратном направлении. Перевожу встревоженный взгляд на экран, кадры сменяют друг друга, как им и положено. Я уже беззаботно машу ему рукой:

– У, проказник, хотел напугать меня. А вот я не...

В этот момент диктор произносит точное число и месяц, и я понимаю, что речь идёт про вчерашний день. Точнее, я ничего не понимаю. Даже фантастика в фильмах мне казалась непонятной, а уж в жизни. На всякий случай решаю, что мне просто показалось. Смотрю на часы, они идут

себе вперёд, жаль, что телепрограмму проверить не могу, вчера новостей не видела. А если бы и видела, всё равно не запомнила. Я бы уже плюнула на примерещившуюся мне странность, но диктор с маниакальной настойчивостью повторяет вчерашнюю дату. Остаётся последнее средство проверки – с давних пор у меня есть привычка зачеркивать в календаре прожитые дни. Бросаюсь к календарю. Помнится, я вчера сделала всё как обычно. Но календарь на стене только подтверждает мои худшие предположения. Вчерашний день опять вернулся. Телевизор резко выключается сам собой.

– Тихо, без паники, – пытаюсь успокоить я себя, – вчера меня не было дома! Сейчас я здесь, надо этим воспользоваться. Но как?

Что особенного могло происходить вчера в моей пустой квартире?! Здесь оставалась одна кошка. Вот и посмотрим, как она без меня развлекалась.

Ничего лучше мне придумать не удаётся. Я пытаюсь тупо наблюдать за бродящей по комнате Пальмой и мало-помалу чувствую, как меня одолевает паника. Бросаюсь к телефону:

– Алло, Света, сегодня какой день? Среда или вторник?

– Да, почём я знаю, – сонно отвечает подруга, – суббота, кажется.

Легче мне не становится, вчера действительно была суббота.

– А может всё-таки воскресенье? – жалобно спрашиваю я.

– Нет, точно суббота, – окончательно просыпается Света. – Ты что, выпила лишнего?

– Да не пила я ничего!

Со стоном кладу трубку, лихорадочно соображаю, у кого бы ещё спросить. У Саши телефон, само собой, не отвечает. Он же в горах со мной. Стоп! Эдак можно совсем спятить и опять оказаться в психушке. Кстати, можно позвонить Марине.

Гудки, гудки, деловой голос:

– Я вас слушаю.

– Какой сегодня день? – вместо приветствия выпаливаю я.

– Во-первых, Лиза, здравствуй! Во-вторых, откуда такой странный вопрос в субботний вечер? У тебя что-то случилось?

– Не знаю, кажется...

– Так, приехать смогу только завтра, – серьёзно говорит Марина.

– В воскресенье? – уточняю жалобно.

– Не нравишься ты мне.

– Я и себе не нравлюсь, – вздыхаю я.

– Тогда до завтра, – решительно прощается Марина.

От разговоров с подругами стало только хуже. Всё запуталось ещё больше. Ведь вчера я не могла им звонить, раз меня дома не было. Время схлопнулось, и меня тоже изрядно хлопнуло по черепу! Окончательно не понимаю, где я и, главное, – когда.

Например, кошка меня совсем не замечает, словно меня и нет в комнате. Пальма деловито обнюхивает ковёр, пристраивается в весьма

специфической позе и собирается делать своё мокрое дело. Вдруг испуганно срывается с места и уносится на кухню. Спугнул моего зверя осторожный звук поворачивающегося в замке ключа. Нет, не зря я оказываюсь в прошедшем дне. Входная дверь медленно открывается... Я с величайшим интересом ожидаю, кто же появится на пороге. Воров вчера вроде бы не было.

Какие ещё воры?! Своим ключом отпирает дверь в моё жилище любитель старых автомобилей и молодых блондинок. Серёга! Я бы с треском выгнала его вон, если бы он меня только видел. Мой бывший сожитель, сквозь меня деловито осматривает комнату, разувается и прямиком проходит в спальню.

«Гад, сволочь! Какого чёрта тебе там понадобилось?» – думаю что кричу я.

«Гад и сволочь» меня не слышит. Остро чувствую себя привидением, вижу, как Серёга заглядывает в одну из тумбочек. И, к моему немалому удивлению, извлекает оттуда какую-то бумагу. В вензелях, узорах, напоминающую дорогие банковские ценные бумаги. Неужели она уже давно была там?! Впрочем, неудивительно, упакованная в большой конверт, она была прилеплена с внутренней стороны верхней полки тумбочки. Шпионские страсти, просто-напросто!

Серёга забирает бумагу, быстро обувается и уходит. А я остаюсь сидеть, словно пыльным мешком по голове ударенная.

– Что это было?! – рассуждаю вслух. – Или вообще ничего не было?! Может, мне всё примерещилось.

Я опять всерьёз начинаю опасаться за собственную вменяемость. Какое-то подобие утешения дают странные слова Сашиного отца про глобальное изменение в нормальном ходе вещей. Но почему эти сложные и непонятные процессы начались именно в моей жизни. Что во мне такого особенного?! Вот уж никогда не мечтала об избрности.

Насколько было проще, когда я была уверена, что все странности со мной происходят во сне. Подумаешь, средневековые сказочки – плоды бурной фантазии. А это?!

– Надо успокоиться! – твержу я себе. – Надо немедленно взять себя в руки! Ничего особенного не произошло, ничего особенного не случилось. Мне показалось, мне просто показалось.

Но чем больше я это повторяю, тем меньше Серёга напоминал привидение. Уж слишком я привыкла к настоящему Серёге из плоти и крови. Пришлось прибегнуть к логике Скарлет О'хара.

– Я не буду думать сегодня, я подумаю об этом завтра, – повторяю я вслед за литературной героиней. – В самом деле, уже поздний вечер и, какое бы число сегодня не было, пора спать. А завтра будет другой день, может, ситуация и прояснится.

Весьма решительно, даже не взглянув на часы, я отправляюсь в спальню и забираюсь под тёплое одеяло. Закрываю глаза и...

Я-то надеялась на волшебные сны, на новые приключения, на встречу с Гансом. А вместо всего этого банально проснулась утром. Самое удивительное, что вовремя проснулась безо всякого будильника.

На часах ровно семь. Осталось выяснить только – какого дня и нужно ли мне идти в институт. Включаю радио. Какое разочарование! Несмотря на все временные странности, все выходные уже закончились, начинается новая учебная неделя. А мне уже понравилось, суббота, воскресенье и опять суббота. Пора возвращаться в скучнейшую реальность. Впереди целых две пары по математике.

– Но сначала я должна кое-что проверить.

Я стремительно подлетаю к тумбочке, выдвигаю верхний ящик, шарю под крышкой, там, где Серёга взял бумагу. Рука нащупывает липкий кусочек жвачки, значит, здесь что-то было приклеено, и то, что я увидела вчера, вполне может быть правдой.

Неумолимые стрелки будильника, вдоволь наигравшись накануне, теперь двигались, как им и положено, требовали поторапливаться. После уже набившего оскомину ритуала одевания, накладывания макияжа, торопливого завтрака и автобусной давки, я захожу в просторный вестибюль института. Сразу же натыкаюсь на Свету. Я просто не могу не обсудить с ней мой вчерашний странный звонок. Интересно, что она подумала?

– Какой звонок? – удивлённо смотрит на меня подруга. – Ты мне звонила? Когда?

– Поздно вечером, вчера... или позавчера, – теряюсь я.

– Видно, ты меня не застала, я все выходные провела у племянницы на свадьбе. Устала, как лошадь, лучше бы дома осталась.

– Но... мы разговаривали, – произношу я совсем тихо и радуюсь, что моя циничная подруга не услышала моих слов.

Она ведь обязательно разболтает всему курсу про смешное происшествие. Что-то мне не хочется такой славы. Уж лучше сама постепенно разберусь. Хорошо, что Света сразу забывает, о чём шла речь, мы бежим в аудиторию и сосредоточенно решаем, решаем...

От цифр уже рябит в глазах, от формул тошнит, а дома ещё готовится к семинару.

– Мне всего этого не перерешать и за неделю, – жалуясь я Свете.

– А я долго возиться не буду, – заявляет она легкомысленно.

– Я бы тоже плюнула, да... Григорьевна мне этого не простит. Обязательно отыграется на зачёте. Неизбежно придётся долго мучиться или потом, или сейчас.

– Мне тоже проблемы с Григорьевной не нужны, но я знаю, как их избежать.

– На взятку у меня не хватит.

– Фи-и, – морщит нос Света, – кто говорит про взятки?!

– А как иначе? – недоумеваю я.

– Очень просто, – снисходительно улыбается моя подруга, – я знаю книгу, в которой есть все решения.

– И эта книга у тебя дома?

– Нет, конечно, это учебник чуть ли не начала века. Григорьевна берёт все свои задания оттуда, а потом сверяет всё до запятой. Ещё один экземпляр есть в городской библиотеке. Если хорошенько постараться можно заполучить его в читальном зале. Спишем всё быстренько и побежим домой.

Я снова попала в центральную городскую библиотеку, где до этого бывала только со школьной экскурсией. Неужели люди могут работать здесь всю жизнь?! Унылые тётки похожи на книжных червей. Смотрят придиричиво, с недоверием, отвечают неохотно, односложно, словно тайну скрывают. Сильно пахнет пылью и старостью. Света уверенно тащит меня по лестнице, точно зная, где искать заветное издание. Даже в каталоге находит его довольно быстро. Но, прочтя листок заказа, библиотекарьша смотрит на нас, как на инопланетян.

– Вы уверены, что такая книга существует? – спрашивает она презрительно.

– Да, – радостно отвечает Света.

– Ну, ожидайте, – милостиво соглашается книжный червь. – Мне придётся разыскивать её в хранилище и поднимать в зал.

Она медленно удаляется и пропадает за дальней дверью.

– Ждать! – отчаянно восклицаю я и бросаюсь в объятия подруги. – Спаси меня! Я этого не выдержу!

– Не переживай, – с преувеличенной нежностью гладит меня по голове Света. – Ты справишься! Я в тебя верю! Лиза, хочешь – спустимся пока вниз, поиграем с Лиской?

– Какой ещё Лиской? – не понимаю я.

– Рыжей собачкой, – смеётся Света. – Живёт здесь уже лет пять. Все к ней привыкли и зовут Лисой, Лиской. Пошли, покажу. Она тебе понравится.

– Я кошек люблю, – бурчу я.

– Да, да, я помню – лысых! – веселится моя подруга.

– Она уже не совсем лысая, – обижаюсь я. – А собаки в библиотеке – это полная чушь! Ну и времена настали, всё перевернулось с ног на голову.

– Ну что, идём?

– Пошли, – соглашаюсь неохотно.

На широком крыльце библиотеки действительно сидит маленькая рыженькая собачка, очень похожая на лису, с такими же большими ушами и острой мордочкой, только пушистый хвост каралькой на спине.

– Странно, как я её не заметила, когда проходила здесь в первый раз?

– Наверное, она грелась где-то в здании.

Увидев нас, Лиска приветливо завиляла хвостом, подошла ближе.

– Ждешь чего-нибудь вкусного? – обращаюсь я к своей тёзке. – А у нас и нет ничего. Постой, я, кажется, брала с собой в институт бутерброд с колбаской, так и не съела.

Долго копаюсь в своей сумке. Чего там только нет! Не без труда нахожу пакетик с завтраком, разворачиваю и кидаю собаке. Она аккуратно ест, не переставая благодарно махать хвостом. В это время крыльцо наполняется любителями покурить, морщу нос, отхожу подальше. А Света сразу находит единомышленников, закуривает и исчезает в дымном облаке. Только рыжая Лиска разделяет мою нелюбовь к острому табачному запаху. Убегает с крыльца и усаживается рядом со мной. Может, библиотека для собак и не место, но эта хитрая мордочка выглядит весьма начитанно.

Лиска ярко проявляет свою собачью сущность и с весёлым лаем начинает гоняться за проезжающими мимо машинами, провожает до поворота и возвращается. Вдруг из-за соседнего дома на бешеной скорости вырывается громадный джип, зелёный как майский жук. В мгновение ока рыжий зверёк исчезает под колёсами. Я в ужасе замираю, с крыльца летит дружный возмущённый крик. Машина пролетает мимо библиотеки и исчезает вдали. Лиска остается лежать на дороге.

– Эх, если бы вернуть время, хотя бы на пять минут! – вырывается у кого-то.

Все молчат. Свидетелями происшествия стали человек двадцать. И всем нам отчаянно жаль, что нельзя вернуть время назад. Хотя почему нельзя?! Я остро вспоминаю вчерашний вечер. Как же это делается?

Ответ я найти не успеваю, с пространством происходит что-то странное, возникает впечатление, что большие деревья раскачивают всё вокруг себя. Даже мелкие снежинки падают снизу вверх. Такая странность продолжается всего одно мгновение, а дальше происходит то, чего я не в состоянии понять и объяснить.

Я с изумлением вижу Свету, болтающую с курильщиками, закуривающую сигарету, рыжую собачку, мирно сидящую у моих ног. Лиска срывается с места и начинает лаять на проезжающие машины, из-за угла дома появляется изумрудно-зелёный джип... но я успеваю подхватить маленькую собачку на руки, и нас только обдаёт резким запахом бензина, когда джип пролетает мимо. Мой поступок приветствуют восторженными криками. Стоящие на крыльце солидные дядьки и тётки радуются как дети, подбегают ко мне, хлопают по плечу, хвалят:

– Молодец!

– Как ты успела?! Мне уж показалось, что чёртов джип раздавил собачку.

– Выхватила прямо из под колёс! Какая ты смелая!

– Страшно было?!

– Я бы так не смогла.

– Вот это реакция! Здорово!

Я улыбаюсь, принимаю поздравления, ничего не понимающая Лиска сердится, изворачивается, старается куснуть меня и вырваться на свободу. Я отпускаю вертлявую собачку. Она отбегает всего на несколько шагов, принимается деловито чесать задней лапой за ухом. Потом, довольная, подставляет голову, чтобы погладили. Ею любят,ся,

ласкают, суют что-то вкусное, весёлая суета напоминает игру в детском саду. Словно все вместе совершили ещё один прыжок во времени и вернулись в возраст коротких штанишек.

Ко мне подходит Света, тянет за руку, страшно шипит в ухо:

– Что это было? Мне только показалось или...

– Тебе показалось, – на всякий случай заверяю я.

Но подругу не проведёшь. Моя решительность только больше убедила её, что произошло нечто необычное, и я имею к этому отношение.

– Я не дура, – заявляет Света, как только мы отходим в сторону, – я точно видела, что джип проехал и сбил собачку, а потом всё началось заново, и та же самая машина опять проехала по тому же самому месту, но собачка осталась жива и здорова.

– Почему ты пристаёшь со своими расспросами именно ко мне? – возмущаюсь я.

– Собачку спасла ты, и странные сны снятся тебе, а не кому-то.

– А причём здесь мои сны?!

– Не знаю! Но всё странное должно быть как-то связано.

– Ещё скажи: «истина где-то рядом!», – смеюсь я. – Насмотрелась «Секретных материалов», во всём ищешь всякие загадки.

– Не отшучивайся! – Света смотрит строго. – Безо всяких зелёных человечков, кажется, я догадываюсь, что произошло. Ты умеешь управлять временем?!

– Нет, я не умею! Но, похоже, спасти Лиску одновременно пожелали много людей – все, кто видел джип. Я уже много раз слышала, что люди способны совершать чудеса, когда разом пожелают одного и того же, но не успеют испугаться невозможности исполнения желания.

– Какая мудрая мысль, – нараспев произносит Света, – я начинаю гордиться, что дружу с тобой.

– У меня есть ещё одна, – улыбаюсь хвастливо.

– Не может быть, чтоб один человек вмещал столько мудрости, – веселится моя подруга.

– Всё может быть! Я думаю, что нам с тобой пора уже вернуться в читальный зал, не то, чего доброго, пропустим главную книгу нашей жизни.

– Студенческой жизни, – уточняет Света.

И мы отправляемся обратно в духоту и скуку библиотеки. Невольно замедляю шаги, оттягивая встречу с высшей математикой.

Глава двадцать шестая

ПОБЕГ

Ура! Всё списано, всё закончено! Я свободна! Иду, дышу, наслаждаюсь отсутствием насущных проблем. До завтрашнего утра можно никуда больше не спешить.

Вечно озабоченная Света убежала в парикмахерскую, а мне плевать, как выглядит моя голова. Главное – её ничем не загружать.

Останавливаюсь, с удовольствием разглядываю новенькое крылечко магазинчика «Всё для ремонта». Радуюсь, что проблемы ремонта квартиры не будут меня волновать ещё несколько лет. Красивую всё-таки сделали стенку из декоративного камня, смотрится как настоящий. Я даже провожу пальцем по шершавой поверхности...

Пространство искажается, словно рябь проходит по воде. Я отдернула руку от стены. Камни холодные, серые, грубо отёсанные. Какое неуютное жилище определил своей прислуге барон. Я сидела на одной из пяти грубо сколоченных скамеек, заменявших здесь кровати. Как мало похожа эта комната на мой родной дом – светлый, тёплый, красивый. Хочу к маме!

Одна я оставалась недолго. Вскоре появилась старая неприятная женщина. Войдя, она сразу принялась браниться и возмущаться:

– Ещё одна служанка! Ну, куда нам ещё одна?! В доме и так не протолкнуться из-за этих бестолковых девиц. Бездельницы! Только бы им болтать да хихикать! А комнаты убирать как следует не умеют! За что их барон только кормит?

Я сидела, втянув голову в плечи. Вроде бы и упрёки относились не ко мне, но неприязнь и раздражение сразу заполнили комнату до краев.

– Ты-то хоть что-нибудь умеешь? – обратилась старуха ко мне безо всякого приветствия.

– Да, – только и успела выдохнуть я.

– Ну, слава богу! Не придётся с тобой долго возиться, а то у меня времени совсем нет. А чего ты такая дохлая? – грубо спросила она, ткнув в меня костлявым пальцем.

– Не знаю, – жалобно пискнула я

– Щас.

Неожиданно старуха повернулась ко мне спиной и вовсе пропала за дверью. Я совсем растерялась, не знала, что мне теперь делать. Ждать её или идти куда-нибудь самой. К счастью, неприятная особа быстро вернулась и протянула мне целое блюдо со всякой едой. Здесь была и миска с луковым супом, и варёная рыба с чечевицей, и вода, и хлеб. Я набросилась на пищу, как голодный зверь. Из-за последних переживаний и волнений я и не заметила, как сильно проголодалась. Только проглотив залпом добрую половину еды, я стала есть медленнее и смогла внимательно рассмотреть мою новую знакомую. Вряд ли она прожила слишком много лет, но жизнь её не щадила. Руки огрубели от работы, кожа потемнела на солнце. Видимо, раньше женщина была дородной, и, когда она похудела из-за болезни или другого страдания, кожа на её лице сморщилась и повисла отвратительными складками, глубокие морщины превратили её в древнюю старуху. А скверный характер сделал голос скрипучим. Женщина смотрела на меня с неприятной усмешкой.

– Теперь понятно, почему ты такая костлявая! Редко доводится пообедать?

– Последнее время, да, – со вздохом призналась я.

– Будешь хорошо работать, поешь вдоволь, – улынулась старуха.

Улыбка тоже не красила её лицо. Мне стало тоскливо оттого, что я уже давно не видела добрых улыбающихся людей. А старуха снова принялась ворчать:

– Что это за лохмотья ты напялила? Ты ж из них вываливаешься!

– Но у меня нет другого платья.

– Такой неряшливый вид оскорбляет прекрасный вкус нашего барона.

– У него прекрасный вкус? – усомнилась я тихонько.

К моему счастью, распекавшая меня старшая служанка была туга на ухо и не расслышала моих слов. Она взяла из рук прибежавшего в комнату шустрого мальчишки небольшой свёрток и протянула мне.

– На, переоденься! В баронском замке прислуга должна быть опрятной, только не забудь вымыться хорошенько. Не хватало ещё чистое платье одевать на такую грязнулю. Этот мальчишка отведёт тебя в прачечную, у них наверняка даже осталась тёплая вода.

Поев, отмывшись и переодевшись, я почувствовала себя королевой. Сразу захотелось поспать, полежать, понежиться, помечтать. Но у моей новой морщинистой знакомой были совсем другие планы на моё будущее:

– Ступай, принеси воды, – строго заскрипела она.

Я покорно кивнула и поймала за руку пробежавшего уже знакомого мне мальчишку.

– Стой, объясни, куда вы ходите за водой.

– Кто куда, – усмешливо отозвался он.

– А мне куда? – совсем растерялась я.

– А тебя кто послал?

– Она, – неопределённо ответила я, не зная, как назвать мою новую знакомую.

– Если Ангела, то тебе вниз за ключевой водой для господского стола. Наш барон отказывается есть пищу, приготовленную на колодезной воде, говорит, что она пахнет плесенью, мы носим для него воду из родника.

– Дорогу покажешь?

– Это запросто! – весело подмигнул мальчишка. – Только проводить не смогу, Ангела надавала мне кучу дел.

– Не подходит ей это имя. Совсем не похожа она на ангелочка.

– Только если он сушёный и сморщенный, – звонко засмеялся мальчик.

Он вывел меня из замка через узкую неудобную калитку и махнул рукой в сторону сбегающей вниз с холма тропинки.

– Беги по ней, не сворачивай. Наткнёшься на родник, не перепутаешь. Да дальше и дороги-то нет.

Набросив свой старый шерстяной плащ, вооружившись двумя большущими кувшинами, я зашагала по тропинке, то и дело радуясь, что мой новый наряд куда удобнее прежней слишком длинной юбки и я не наступала на подол и не падала. Тропинка весело спускалась с холма и углублялась в лес. Мальчишка был прав, я сразу узнала любимый

бароном родничок. Тропинка упиралась в маленький аккуратный сруб из круглых дубовых полешек. Он уже был полон водой.

Мною овладело непреодолимое желание наклониться и утолить жажду. И хоть я прекрасно понимала, что вода очень холодная, я всё равно так и сделала. Я поставила на землю кувшины, наклонилась и дотянулась губами до обжигающе ледяной влаги, но не успела сделать глотка. В водной глади отражались два человека. Я отпрянула в ужасе.

– Ты кто?

– Вот те на, ты уже меня забыла?

Возле родника стоял Ганс. Мой милый, замечательный Ганс.

– Я так соскучилась!

Я бросилась обнимать его, подпрыгнула и повисла на шее.

– Мне было так плохо, так страшно! Где ты был всё это время? Почему ты меня не спасал?

Я вдруг рассердилась и стала бить его кулаками в грудь. Ганс только смеялся надо мной:

– Где уж мне за тобой угнаться?! Ты вон уж и переодеться успела, и в замке поселиться, и кувшинами обзавестись.

– Ты ничего не знаешь! Они меня мучили!

– Наверное, насильно кормили, судя по розовым щёчкам.

– Нет! Да... кормили, не насильно...

– Хоть вкусно?

– Не вкусно, зато много, – призналась я со вздохом.

– Медвежатина тоже невкусная, особенно без соли, – веселился мой громила, – а новый наряд тебе к лицу.

Я даже смутилась от неожиданного комплимента, а Ганс продолжал:

– Как тебе удалось так хорошо устроиться? Помнится, сначала намерения у барона были вовсе не миролюбивые. Отчего он вдруг изменился?

– Я сказала ему, что ты переодетый герцог Ольденбургский.

– Я герцог?! – громила хохотал до слёз. – Если я герцог, то кто ты? Моя мамаша?!

– Нет, я только служанка герцогини.

– Очень мило! Я даже не знал, что у тебя такая бурная фантазия. Тебе очень повезло, что барон достаточно тупой, чтобы верить в подобные рассказы.

– Знаешь, он даже не усомнился в правдивости моих слов.

– Только есть одна неувязочка, – веселился Ганс, – из меня герцог как из горшка – корона. Даже умница барон сразу разоблачит обман.

– Что же нам делать? – растерялась я.

– Бежать, как можно дальше, как можно быстрее.

Он схватил меня за руку, и мы понеслись, куда глаза глядят, прочь от злополучного баронского замка. Большие кувшины так и остались стоять возле родника. Вокруг поднимался негустой лесок. Деревья уже сбросили листву, и укрыться среди них было трудно. Оставалось надеяться только

на то, что меня долго не хватятся, и мы успеем убежать достаточно далеко, чтобы нас не нашли. Ох, нелёгкая это была задача! Когда Ганс делал один шаг, мне приходилось делать три, и я ещё отставала. Никогда в жизни я не бегала так быстро.

– Может, отдохнём, – вскоре стала умолять я. – Я с ног валюсь.

– Если нас поймают и твой обман раскроется, мы пожалеем, что сбежали от отцов-инквизиторов. Захочется вернуться на костёр.

Такие обещания подстегнули меня и словно прибавили сил. Я догнала громилу и даже несколько минут бежала рядом с ним.

– Какой ты шустрый, заморыш, – усмехнулся он.

В ответ я могла только пыхтеть, но мне было приятно услышать ещё недавно так обижавшее меня прозвище. Раньше, чем я снова выдохлась и начала отставать, громила вдруг скомандовал:

– Стой! Так мы далеко не убежим.

– Почему? – наивно спросила я.

– Мы всё время немного забираем влево, так мы опишем большой круг и вернёмся к роднику.

– Я слышала, так люди могут кружить по лесу по несколько дней, – вспомнила я.

Ганс взглянул на меня с уважением.

– Смотри-ка, и ты кое-что понимаешь в жизни. А я-то думал, таких, как ты, выращивают на клумбе.

– Значит, я похожа на цветок? – счастливо улыбнулась я.

– Похожа, только я не могу определить – на какой.

– Если ты сейчас опять скажешь какую-нибудь гадость, я... – мне так и не хватило фантазии, чтобы придумать убедительную угрозу.

В результате я только больше раззадорила моего спутника. Он воспользовался нашей остановкой, чтобы подразнить меня.

– Ну, расскажи, расскажи, чего мне ожидать. Я так и умираю от страха. Так что ты намерена предпринять?

Я угрюмо молчала, старалась хотя бы не выглядеть слишком глупо.

– Я, кажется, догадался, если я скажу что-нибудь не то, ты только дунешь в мою сторону, и я улечу за край Земли, – глумился громила.

Я не нашлась, что ответить.

– Нет, понял, ты плюнешь – и я утону! – не унимался Ганс.

– Замолчи!

– Не то ты испепелишь меня взглядом?

– Да!

– А что ещё ты предпримешь?

– Обижусь! – сказала я серьёзно.

– Не стоит, – громила тоже стал серьёзней. – Пошли дальше, нам надо спешить.

– Только давай выберемся на дорогу, я не могу больше спотыкаться о корни и уворачиваться от веток.

– Пожалуй, мы уже достаточно далеко убежали, чтобы нас перестали искать. Думаю, теперь нет нужды бродить по лесу и можно пойти по дороге. Я видел тут одну, совсем рядом.

Как Ганс и говорил, свернув в сторону, мы очень быстро выбрались на удобную, широкую дорогу. Мне показалось, что она та же, по которой мы шли до встречи с бароном. По земле, утоптанной копытами коней и изъезженной колёсами телег, идти было гораздо легче и веселее.

Опять мы шли, сами не зная куда. Но рядом с Гансом я чувствовала себя спокойно и беззаботно. Мне даже захотелось поболтать, и я принялась расспрашивать моего спутника:

– А чем ты занимался без меня?

– Медведя ел.

– С тебя станется.

– В самом деле, не мышами же мне питаться! Я же не кот.

– А кем же надо быть, чтобы питаться медведями? – задумалась я.

Ганс почесал подбородок, ответил не сразу:

– Даже не знаю, по моему, в лесу с медведем никому не справиться.

– Кроме тебя, – лукаво улыбнулась я.

– Напрасно не веришь, специально для такого Фомы я прихватил с собой пару зубов и даже кусок мяса. Пробовала когда-нибудь медвежатину?

– Нет, конечно.

– А хочешь попробовать?

– Только если маленький кусочек, а то я съела столько чечевицы, что на неделю хватило бы.

– Придётся устроить привал, совсем короткий.

– Пусть короткий, только бы чуть-чуть отдохнуть.

– Вон, перед подъёмом на высокий холм, большой камень, на нём можно удобно посидеть.

Я радостно подбежала к нему и уселась на его округлый холодный бок.

– Здесь долго не просидишь.

– Тем лучше!

– Ну, давай, доставай свои трофеи.

Ганс так не успел мне ничем похвастаться... с вершины холма, галопом неслись к нам незнакомые всадники. Вид у них был весьма воинственный, похоже, они сверху давно нас видели, мы даже не успели ничего предпринять, как нас окружили плотным кольцом. Их было человек восемь, и среди них барон, от которого мы пытались убежать. Дворяне-охотники были хорошо вооружены. На нас хищно смотрели стрелы сразу с трёх заведённых арбалетов. Я испугалась так, что не могла вымолвить ни слова, а Ганс, не растерявшись ни на секунду, сразу вспомнил, что я назвала его герцогом, и выпрямился важно, подпер одну руку в бок и спросил надменно:

– Вы что-то хотели, господа?

Вопрос остался без ответа. Но громилу это ничуть не смутило, он обратился к барону:

– Я смотрю, пора учреждать рыцарские ордена для защиты путников, идущих через ваши земли. Эти дороги опаснее палестинских.

– Таковы издержки путешествия инкогнито, – откликнулся барон.

– Если бы знал о подобных порядках заранее, объехал бы ваши земли как можно дальше.

– Мы бы хотели оказать вам совсем другой приём, – улыбнулся барон.

Он явно не понимал, как себя вести. С одной стороны, от вздорного здоровяка «герцога» можно было ожидать чего угодно, но с другой – ему очень не хотелось упускать такую редкую возможность втереться в круг коронованных особ. Барон мечтал о том, чтобы герцог Ольденбургский посетил его замок, но боялся предоставить ему лошадь, опасаясь, что гость поедет совсем в другую сторону. Хитрец нашел таки выход:

– Если вашей светлости угодно передвигаться подобно древним героям и современным крестьянам, мне остаётся только присоединиться к вам и проводить до моего замка. Где дорогих гостей всегда ждёт великолепный ужин и ночлег.

– Я затеял всё это именно для того, чтоб остаться одному, – возразил Ганс.

Но барон сделал вид, что его не услышал, решительно спешился, поклонился мнимому герцогу и направился к замку. Его спутники двинули лошадей следом. И нам пришлось возвращаться. Ганс благоразумно решил, что ввязываться в драку и ловить стрелы просто глупо. Так целой толпой мы торжественно проследовали сквозь хмурый осенний лес. Барон пытался развлекать нас светской беседой и не раз ставил Ганса в неловкую ситуацию, из которой тот с успехом выбирался, – к моему немалому изумлению:

– Что нового сейчас при дворе?

– Всё как всегда: скука и сплетни, – притворно зевнул мой спутник.

– А что сейчас в моде? – маслено улыбался барон.

– Я не интересуюсь этой женской забавой, – поморщился громила.

– А как здоровье вашей матушки? – не отставал барон. – Надеюсь, все хорошо?

– Всё слава богу!

Мы на удивление быстро добрались до ворот мрачного баронского замка. Оказалось, что мы с Гансом потеряли в лесу массу времени и двигаться по дороге было куда быстрее и удобней. Так бездарно завершился наш весело начинавшийся побег. И я снова глядела на серые каменные стены.

Глава двадцать седьмая БЕСКОНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Трясу головой, возвращаюсь в реальность. Интересно, сколько времени я уже здесь торчу. Смотрю на часы и невольно громко удивляюсь:

– Ни одной минуты?! Я же только что смотрела на часы, может быть, день другой?

Я даже решила спросить точное время и дату у прохожего. На меня посмотрели, как на полную дуру, но только подтвердили, что я потеряла

от силы одну минуту. Впрочем, чему удивляться, ведь прошлый раз всё было точно так же. Где-то там проходил целый день, а здесь я успевала только моргнуть. Всё равно, надоели эти чудеса со временем! Не хочу, замучилась! Другие живут себе здесь и сейчас, вот и я хочу, чтоб в моей жизни всё было понятно и просто.

Всё! Решено! С сегодняшнего дня никаких странностей и видений! Я самая что не на есть обыкновенная студентка.

Моё решение конкретное и бесповоротное. В этот момент я не испытываю ни тени сомнения в возможности управлять всеми странностями в своей жизни.

Я честно верю во всё это ещё часа четыре. Пока добираюсь до дома, открываю дверь, тупо сижу на диване, пытаюсь разобрать собственные лекции. Первым, кто породил во мне сомнения, была моя бесподобная «чебурашковая» кошка. Пальма опять ведёт себя как выпавшая из времени: меня не замечает, на слова не реагирует, даже всегда срабатывавшая рыба не производит на неё никакого впечатления. Но самое ужасное начинается, когда я пытаюсь взять её на руки. Пальма не осязаема! Рука проходит сквозь неё, как сквозь воздух.

Хуже того, зайдя на кухню, я ясно вижу ещё одну кошку, вполне земную, осязаемую и голодную. Это тоже Пальма! Она жадно набрасывается на рыбу и со злобным урчанием пожирает её в присутствии призрачной Пальмы.

– Боже! Как это остановить? – вырывается у меня громко. Жующая кошка поднимает голову, она явно меня слышит, а та, которую невозможно взять, томно удаляется в зал. Через минуту, оттуда доносится звон бьющейся посуды. Я бегу на звук...

Там – ничего, ни осколков, ни кошки. Все вазочки стоят на своих местах, целые и невредимые.

– Чертовщина, какая-то! Пальма, а ну, иди сюда!

Лысая кошка с большими пушистыми ушами появляется из-за кухонной двери, явно недовольная, что её отрывают от трапезы.

– Это что же получается, – вслух рассуждаю я, – мне опять всё примерещилось?! Я б ещё поверила в эту версию, если бы не события последних дней. Но сейчас изменение времени, похоже, не причём. Кошки, вазы – чушь какая-то. Всё-таки высшая математика на меня плохо действует.

Придя к такому выводу, я, само собой, откладываю институтские занятия на неопределённый срок и стараюсь заняться чем-нибудь абсолютно легкомысленным. Этот термин уже давно ассоциируется у меня только с Ленкой. Бросаюсь звонить любимой подруге.

– Привет, Ленка, куда подевалась? Почему не была в институте? – тороплюсь с расспросами я.

– Ах, мне некогда! – вдыхает она. – Не до учёбы мне теперь! Я влюбилась.

Ну, наконец-то, нормальная жизнь здесь и сейчас. Любовь, ахи, вздохи. Я с восторгом расспрашиваю счастливую подругу:

– Когда успела? В кого?

Она только рада лишний раз предаться приятным воспоминаниям.

– Он просто прелесть! Музыкант, гитарист, сам песни пишет, ужасно талантливый, я уверена, он скоро прославится! И я буду с ним.

– Вряд ли, – прозаично сомневаюсь, – о звёздах вечно пишут, что они ветреные и часто меняют любимых.

– Нет, нет, мой не такой! Я уверена – наше чувство сильнее всех преград.

– Ты сама скоро заговоришь стихами, – смеюсь я.

– Да куда мне?! Вот если бы ты только слышала его песни! Ты бы поняла, что все остальные поэты мизинца его не стоят!

– Даже Пушкин? – подкалываю я подругу.

– Не смейся, просто, это совсем другое. Пушкин – это прошлое, а мой Павел – это будущее.

– Ой, только не надо про прошлое, – умоляю я.

– Прошлое нас не интересует!

– Вот и слава Богу! Я тоже решила больше о прошлом не думать.

Лена меня не слышит, мечтательно рассуждает о своей музыкальной любви:

– Мой Павел так здорово исполняет песни, я готова всю ночь слушать! У него уже было несколько концертов.

– Сольных? – удивляюсь искренне.

– Пока нет, к сожалению, но его так принимают, я так аплодировала! Боже мой, Лиза, я самая счастливая!

Когда мы прощаемся, я кладу трубку, продолжаю улыбаться. Везёт же людям! Любовь-морковь – и никаких заумностей. Надо брать пример с Ленки! Жить легко и весело и не думать ни о чём нереальном.

– Так, начинаю нормальную жизнь! Чтобы сейчас предприняла моя чудная подружка? В магазин! Она бы точно отправилась за какой-нибудь обновкой. Магазины ещё открыты, родители оставили вчера немного денег, пора действовать!

В магазин захожу важная, как султан Саудовской Аравии. Осматриваю помещение с таким видом, словно легко могу купить сразу всё, не забываясь о цене. Само собой, первым делом отправляюсь примерять дорожные шубки. Ну и что, что у меня денег хватит, чтобы купить только один рукав от меховой роскоши. Этого же никто не знает! Продавщицы улыбаются, предлагают что подороже, я кручусь перед зеркалом, придиричиво оглядываю себя в роскошных соболях и эффектной норке. Даже задаю капризные вопросы:

– А это точно зимний мех? А он не вылезет? Терпеть не могу, когда остаются волоски на одежде.

– Что вы, что вы, – елеино улыбается продавщица, – это прекрасное качество. Московская фабрика, – суетится она.

– Московская?! – я корчу брезгливую гримаску. – Наверное, папа прав, надо шубы покупать за границей.

Я покидаю отдел мехов, тщательно скрывая чувство досады. Когда же я смогу, вот так просто купить здесь именно то, что мне приглянулось? А пока я отправляюсь туда, где цены кусаются не так сильно. Сегодня обязательно куплю себе новое платье.

Ну, разумеется, та модель, которая мне сразу и безоговорочно приглянулась, стоит примерно также, как полушубок в соседнем отделе. Снова вздыхаю о том, что я не наследница семьи Рокфеллеров и уныло разглядываю то, что подешевле.

– Тоска!

Неужели я это произношу вслух?! Я же всегда была скромной и сдержанной, но стоящая рядом женщина меня явно услышала. Смотрит на меня, улыбается, поддерживает тему:

– Меня тоже поражает отсутствие ярких интересных вещей. У того, кто разрабатывает эти модели, должна быть непроходящая депрессия.

Я поворачиваюсь к собеседнице, беззастенчиво её разглядываю: лет тридцати, ярко-красная помада, вечерний макияж, неуместный в данной обстановке. На её лице смотрится вполне органично. Эту высокую, статную даму, пожалуй, следует назвать красивой. Смотрю на неё – и по спине бегают мурашки: опять, опять, эти образы из прошлого! Я её знаю! Я точно её знаю! Вернее сказать, не её, а ту, которой она была лет триста тому назад. Конечно, мы с ней встречались, ещё бы...

Я ясно осознаю и ужасаюсь своей догадке, что эффектная дама – персонаж того самого первого сна. Она мало изменилась с тех пор, когда он (т.е. я) был в неё влюблён. Интересно, кто теперь её муж, она ему тоже изменяет? Я решительно отмахиваюсь от странных мыслей. Я же решила, твёрдо решила больше не думать о прошлом, к тому же ещё не о своём, или...

А незнакомка, словно испытывает твёрдость моих намерений, улыбается кокетливо, точь-в-точь как в моём сне.

– Как вы думаете, а мне пойдёт чёрный, вот этот трикотажный костюмчик, мне кажется он вполне удобоваримый.

– Тебе чёрный никогда не шёл, – чуть не лягнула я, но вовремя спохватываюсь и произношу вполне вежливо:

– Я думаю, вам стоит поискать что-то повеселей, чёрный, конечно, классика, но уж больно скучно. Может вам стоит посмотреть вот эти тёмно-голубые брюки и блузку?

– Пожалуй, я зря недолюбиваю этот цвет. В моём гардеробе уже переизбыток красного.

Дама с азартом перебирает на вешалке наряды, а я борюсь с неизвестно откуда-то взявшимся желанием: закупить ей подарков! Бред! Я же решила жить, как нормальные люди, и не прислушиваться ко всяким странностям. Ерунда это всё! Подумаешь, тётка показалась знакомой. Глупости! Всё это я придумала! Ерунда! Ерунда! Ерунда!

Фокус с магазином не удался!

Выхожу на улицу в настроении ещё более паршивом, чем до этого. Не могу придумать, чем себя занять, надо срочно найти что-нибудь очень современное и беззаботное. Даже с Сашей не хочется встречаться. Он опять заговорит про свои приключения в средневековье, ещё о чём-нибудь в этом роде, а я не хочу! Больше не хочу ничего вспоминать! Шагаю по широкому проспекту в мрачной решимости положить конец «этому» – не знаю чему. Меня всё бесит! Ветер слишком холодный, снег слишком колючий, дома облезлые, собаки драные, прохожие уроды!

И чего я собственно взъелась на весь белый свет? Всё хорошо, сейчас приду домой, напьюсь горячего чая, а лучше кофе, поглажу Пальму, мне даже становится смешно: нормальных кошек гладят по пушистой шёрстке, а у моей «чебурашки» придётся щупать уши, чтоб хоть немного приблизиться к приятному процессу. Мои старания по улучшению настроения начинают приносить свои плоды. Встречные люди перестают казаться отвратительными, погода становится приятной, я не спеша возвращаюсь домой, строю радужные планы.

– Не смей этого делать!

– Стой! Стой! Стой только!

Истеричные вопли грубо нарушают мою прогулку.

– Ну, кто так орёт? – тихо спрашиваю я, не рассчитывая на ответ, но мне принимаются объяснять сразу несколько человек:

– Девчонка, дура!

– Хочет из окна прыгнуть!

– Только, только её из психушки выпустили, она, видно, обратно захотела.

– И чего бабе неймётся?

Во дворе дома, мимо которого я дефилирую, собралась целая толпа, некоторым даже не хватило места, и они стояли рядом на улице, довольствуясь тем, что было слышно из двора. Я тоже останавливаюсь возле них, хоть и терпеть не могу всяких зевак.

– Маша, не прыгай, зачем тебе это надо?

«Маша, из психушки?» – настораживаюсь я. И начинаю пробираться во двор. Обогнув дом, задираю голову. На балконе седьмого этажа типовой многоэтажки вижу женскую фигуру в белом платье. Если бы увидела это в фильме, назвала бы этот приём театральным, а в жизни это выглядело страшно и одновременно прозаично. Я сразу узнаю свою соседку по палате в больнице, ту, что казалась такой нормальной и сочинила сказку про цыганку. Маша совсем не изменилась. Вопреки голливудским стереотипам, она аккуратно причёсана, хорошо одета, стоит на краю балкона в модельных туфлях, не кричит, не плачет, кажется, ждёт, пока разойдутся зрители. Снизу некоторые пытаются с ней разговаривать, кричат, убеждают не прыгать. Самоубийца на них не реагирует, сосредоточенна на чём-то своем. Мужчина рядом рассуждает с видом знатока:

– С ней надо поговорить не отсюда, кто-то должен подойти к ней совсем близко и поговорить потихоньку. Лучше чтоб это был знакомый ей человек.

В толпе начинаются пересуды, оказывается, что все собравшиеся во дворе люди совершенно случайные, не находится даже тех, кто раньше называл её по имени и рассказывал про психушку.

Я понимаю, что во всей этой толпе оказываюсь единственной, кому Маша не совсем чужая. Но кричать снизу:

– Эй! Ты меня помнишь? – безобразно глупо. И я быстро захожу в подъезд. Странно, но здесь никого нет. Только перед дверью квартиры вспоминаю, что она должна быть заперта. На всякий случай толкаю обшарпанную деревянную преграду, она неожиданно поддается и открывается. Только теперь задумываюсь: «Чего ради я сюда припёрлась? Ну, что я могу сказать или сделать?!»

Чувствую себя крайне глупо, ну какая из меня героиня?! Насмотрелась боевиков и решила, быть в самом центре событий, что дальше?!

Отмахиваюсь от сомнений, как от назойливого насекомого. Захожу в квартиру. Тёмная тесная прихожая, большая комната, ковры на стене и на полу. Потёртый диван, чёрно-белый телевизор – обстановка как в квартирах у старушек.

Балконная дверь раскрыта настежь, шторы плещутся на ветру, как флаги. Осторожно выглядываю на балкон. Маша выбралась за перила, стоит на самом краешке, смотрит вдаль. Ей дела нет до того, что происходит внизу, а толпа уже редееет, народу надоедает ждать главного действия, и зрители расходятся. Меня Маша даже не замечает, а я и рада, шепчу ей из-за шторы:

– Эй, поговори со мной!

– Я занята!

– Чем?

– Разве ты не видишь?!

– Не вижу.

– Я собираюсь покончить с собой! – злится Маша. – Не отвлекай меня!

– Хорошо, хорошо, – спешу её успокоить, – только сначала поговори со мной.

– Не о чем нам разговаривать! – мрачно отвечает она, не поворачиваясь в мою сторону.

– Ты меня хоть помнишь? – сомневаюсь я.

– Ты Лиза, из больницы, – откликается самоубийца, едва взглянув в мою сторону, – чего тебе здесь понадобилось?

– Я случайно мимо проходила... мы так давно не виделись, скажи хоть что-нибудь!

– Что-нибудь, – эхом повторяет Маша.

– Расскажи хоть, как жизнь, – спрашиваю весьма глупо.

– Жизнь, – горько усмехается она.

– Ну, что у тебя было, с тех пор пока мы не виделись?

– С тех пор, как ты сбежала! – поправляет меня Маша. – Я гляжу, тебя не поймали!

– Повезло, – пожимаю плечами я, – а тебя просто выписали?

– Выписали.

– Давно?

– Пару недель назад.

– И тебя здесь никто не ждал? – предполагаю я.

– Никто, – кивает она.

– Вот гады!

– Да, гады. Я-то думала... у всех своя жизнь, развлекаются, веселятся, путешествуют...

– А ты?

– Я сидела дома, как курица, ждала, чтобы кто-нибудь пришёл...

– Неужели не пришли?

– Пришли...

Я вижу, Маша постепенно выходит из своего ступора. Кажется, разговор начинает вызывать у неё интерес, я не знаю, как развить свой успех, но она сама подсказывает мне способ:

– ...Позвали на озёра, жарить шашлыки, праздновать день рождения.

– Неужели ты отказалась?

– Зачем отказываться, я поехала, – говорит она бесцветным голосом.

А я воодушевляюсь:

– Вы там, наверное, фотографировались?

– Фотографировались.

– Покажи фотографии, – с умыслом прошу я.

Кажется, Маша удивляется моей просьбе, но, поразмыслив минуту, решает, видимо, что в ней нет ничего враждебного. И перебирается через балконные перила обратно в квартиру. Движение это выглядит настолько привычным, словно она лазит через перила каждый день. Только одна туфля слетает с её ноги и падает вниз на асфальт. Толпа издает вздох разочарования. Они-то ожидали куда более эффектного падения. Подумаешь, туфля. Несостоявшаяся самоубийца машет им рукой.

– Туфлю потом подберу.

Похоже, она окончательно пришла в себя и мне можно вздохнуть спокойно, я не зря возомнила себя героем.

Как ни в чём не бывало любительница прыгать с балконов приглашает меня в свою комнату, предлагает мне выпить чаю или чего-нибудь покрепче за встречу. Я от спиртного отказываюсь, спасение человеческой жизни, конечно, подходящий повод, но я помню о своём твёрдом решении не впадать больше во всяческую мистику и оставаться в здравом уме. Маша несколько разочарованно соглашается ограничиться невинным чаем. И только потом выясняется, что как раз чая-то у неё и нет. Пьём морс, обсуждаем поездку на озеро:

– Обыкновенный был пикник, – рассказывает Маша, – если б не одна встреча, я и предположить не могла, что могу так быстро и глупо втюриться. Там, среди приглашённых, был один молодой человек, он сразу обратил на себя внимание, совсем не похожий на обычных парней,

словно герой из романтического кинофильма. Высокий, худощавый, длинноволосый, а главное, он играл на гитаре и пел, так замечательно пел, я заслушалась и сразу потеряла голову.

– Влюбилась?! Так это же замечательно, – восклицаю восторженно.

– Ничего хорошего, – вздыхает Маша, – пока я млела от его песен, Паша...

– Так его зовут Паша?! – перебиваю я. – Я его знаю.

– Знаешь?! – поражается влюблённая.

– Ну, не совсем знаю... я о нём слышала.

– И что же о нём говорят?

– Только хорошее, мне так нахваливали его творчество, что даже хочется послушать самой.

– Не стоит! – с горечью произносит Маша.

– Но ты же сама хвалила его песни.

– Песни, песни, какая разница, главное, он бабник!

– Такое часто случается с творческими личностями.

– Личностями, – лицо Маши становится брезгливым. – Он заводит романы с каждой попавшийся ему на пути девушкой. Предпочитает блондинок, с дурами проще.

– Не все блондинки дуры, – защищаю я свою подругу.

– Надо быть круглой дурой, чтобы связаться с Пашей.

– Ничего не понимаю, то он тебе нравится, то ты его костеришь. Что он тебе сделал?

– Он мне?! – морщится недавняя самоубийца. – Он ничего не мог сделать, он меня даже не заметил. Увлечённо обхаживал очередную блондинку.

– Так ты из-за этого...

– Самой теперь стыдно, – признаётся Маша.

– Хорошо, что всё обошлось, – улыбаюсь я, – теперь осталось только поднять туфлю.

– Подниму и выброшу, терпеть не могу эти туфли! Ужасно неудобные!

– Надеюсь, вместе с обувью ты выбросишь старую привычку по любому поводу сигать с балкона, – искренне радуюсь я.

– Очень бы хотелось, – соглашается Маша.

Ура! Моими стараниями в мире на одного нормального человека стало больше. Кажется, я делала всё не так, как советуют поступать в подобных ситуациях, но какая теперь разница.

Мы болтаем с Машей до самого вечера, она жалуется, что до костей промёрзла, как дура стоя на балконе в одном лёгком платьице. Из-за того, что беречь здоровье перед самоубийством показалось ей глупым. Хотела умереть красиво, а закончилась всё некрасивыми соплями. Постепенно к ней возвращается способность шутить и воспринимать мир с юмором. Я долго не решаюсь уйти и оставить спасённую мною наедине

с её мыслями. Отправляюсь домой, когда на улице совсем темно. Чувствую, что смертельно устала, хочу только есть и спать.

Но у моего подъезда ждёт возвращения новоявленного психиатра теряющая последние остатки терпения Марина. Я тут же придумываю новую примету: «Если день начался с высшей математики, то он закончится мыслями о психушке». Когда, наконец, этот день закончится?! Мне так хочется жить мирно и скучно, как все нормальные люди.

- Здравствуй, – устало киваю я подружке. – А с тобой что произошло?
- Утром расскажу, – милосердно отвечает Марина. – Всё утром.
- Хорошо, – охотно соглашаюсь я.
- У тебя можно переночевать? – тревожно спрашивает подружка.
- Только если мы сразу же ляжем спать.
- А может, сначала поедим?
- Да, поедим.

Оглавление

СТУДЕНЧЕСКАЯ	3
ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ	9
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	16
ПЛАН ДЕЙСТВИЙ НА ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ	22
БЕЛЫЙ СНЕГ	29
ПЛАЩ ТАМПИЕРА, или РАССКАЗ КУЗМИЧА.....	35
ПЛАЩ ТАМПИЕРА (продолжение).....	41
НОМЕ SWEET НОМЕ.....	48
ПОД КУПОЛОМ НЕБА	54
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ	60
ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ – ПОНЕДЕЛЬНИК	66
ПОБЕГ	72
БЕСКОНЕЧНЫЙ ДЕНЬ	78

От издателя

Роман Анны Чернышевой «Звезда бессмертия», разумеется, написан как единое целое, но возможности издателя позволили издать этот роман только таким образом – в трёх частях. Надеюсь, это не помешает читателям романа воспринимать его так же, как он написан, – единым целым.